ОЛЬГА
ГОЛОТВИНА
Хранитель
Хранитель
пограничной крепости

Ольга Голотвина

Хранитель пограничной крепости

Серия «Хранитель», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119033
Хранитель пограничной крепости: Авторское; 2002

Аннотация

О чем должен думать беглый раб и разбойник, если его приняли за знатного господина из Клана Сокола и торжественно преподнесли ему власть над пограничной крепостью?

Правильно. О том, куда бы удрать, пока не раскрылась ошибка.

Но как бежать, если под стенами уже встала вражеская армия, а защитники крепости смотрят на тебя как на единственную надежду? Хочешь не хочешь, приходится иметь дело и с вражеским войском, и с чудовищными Подгорными Тварями, и с могущественным чародейством… и с законами, придуманными людьми…

Содержание

(290 год Железных Времен) 4
1 4
2 10
3 17
4 21
5 31
6 36
7 43
8 52
9 56
10 63
11 69
Конец ознакомительного фрагмента. 72

Ольга Голотвина
Хранитель пограничной крепости

Посвящается Юле Холодковой, у которой Айрунги Журавлиный Крик обучался основам алхимии, а также моему сыну Андрею, который недолгое время был военным советником при дворе Нуртора Черной Скалы.

(290 год Железных Времен)

«Из всех преступлений, которые знает Великий Грайан, самыми мерзостными, тяжкими и непростительными закон называет государственную измену и самовольное причисление себя к Детям Клана. Преступник, чья вина доказана, должен быть либо заживо сварен в котле с кипящей водой, либо брошен в яму с голодными псами. Тело казненного не предается честному погребальному костру».
Кодекс законов Великого Грайана, свиток третий.
Составил Санфир Ясная Память из Клана Лебедя, Ветвь Белого Пера.
11-й год от начала Железных Времен.

1

Животные более чутки к опасности, чем люди. Человека может обмануть покой жаркого солнечного дня, полного запаха разогретой на солнце сосновой коры и хвои. Человека может заворожить ровное гудение ветра в вершинах сосен. Человеку может отвести глаза картина безобидного песчаного обрыва, изрытого небольшими пещерками и прошитого наверху корнями сосен.

Но зверя не проведешь. И пусть широкая полоса влажного песка призывно стелется к реке от подножия обрыва – на полосе этой, просто созданной для водопоя, нет ни одного отпечатка копыта, ни одного следа волчьей или рысьей лапы.

И не потому, что острый нюх лесных жителей уловил бы запах впитавшейся в песок крови. Жизнь леса полна мелких трагедий, все время кто-нибудь гибнет, чтобы жили другие. Нет, не поэтому разбежалось прочь зверье из приречной полосы. И не потому птицы не вплетают свои голоса в песню сосновых ветвей. И не потому смолкли, затаились кузнечики – хотя им-то, крохотным, чего бояться?

Лес замер, замкнулся, ощутив присутствие чего-то опасного и очень чужого, что похозяйски расположилось неподалеку от берега. Не просто смерть поджидала здесь добычу – смерть незнакомая, непонятная, появившаяся неизвестно откуда и от этого вдвойне страшная.

Над обрывом незримой волчицей уселась тревога, подняла к небу острую морду, надрывно завыла.

Но не всем людям дано слышать этот беззвучный вой. Поэтому двое из троих спутников, бредущих по песчаной полосе вдоль воды, испытывали лишь усталость и раздражение.

Но идущий впереди коренастый бородач со шрамом на лбу держался более настороженно, чем его спутники. Бородачу довелось крепко хлебнуть лесной жизни, жизни затрав-

ленного зверя, это сделало его более восприимчивым к неслышному голосу близкой беды. И теперь он хмуро озирался по сторонам, сам не понимая, что именно не дает ему покоя.

– Места тут… нехорошие… – осторожно сказал он наконец. – Недобрые места… Чего-то здесь не хватает…

– Здесь что-то лишнее, – уныло поправил его идущий следом парень с густыми каштановыми волосами. – Мы здесь лишние… Нет, правда, Коряга, чего мы здесь таскаемся, муравья в густой траве отлавливаем? Может, махнуть в Анмир, а? По кабакам пошляемся, послушаем, что там люди болтают… Вдруг да повезет – что-нибудь узнаем!

– Не лезь в шибко умные, Орешек! – прикрикнул на него бородач. – В Анмир Матерый тоже людей отправил, а наше дело – здешние места проверить. А места здесь скверные. Пусто, тревожно… белок – и тех нет.

– И хорошо, что нет, – вздохнул Орешек. – А то бы они передохли со смеху, на нас глядя. Топаем как дураки, сами не зная куда, отдохнуть и то не присядем.

– Ладно, привал, – неохотно кивнул бородач и уселся под песчаным обрывом. Орешек с наслаждением плюхнулся рядом.

Третий путник – темный, мрачный, жилистый – опустился на песок с видом человека, которому все равно, отдыхать или идти дальше. Он обхватил колени руками и устремил взгляд на противоположный берег, глубоко уйдя в какую-то безрадостную думу.

Орешек с ленивым интересом сощурил глаза на серую гладь воды.

– И с чего такую смирную реку назвали Бешеной?

– А ты бы на нее ниже по течению посмотрел, за Анмиром, – снисходительно объяснил Коряга. – Она от притоков силы набирается, а русло там узкое, каменное. Вот река и скачет…

– А что это мы все берегом да берегом плетемся? Может, эти душегубы где-нибудь в чаще лагерем стоят?

– Сразу видно, что ты в городе рос… В лесу любая тварь к воде тянется. Проверим для начала речные берега.

– Ясно… А что мы с ними делать будем, с душегубами, когда отыщем?

– Постараемся, чтобы они с нами ничего не сделали. Ты видел, во что они превращают трупы тех, кто к ним в руки попадает? Топорами, гады, работают! Правильно, что Матерый не хочет таких соседей под боком терпеть.

– Да откуда они взялись? Беглые рабы?

– Вряд ли, – низким, хриплым голосом вступил в разговор третий путник. Коряга и Орешек тут же замолчали и уважительно к нему обернулись. – Я видел тела жертв. Действовала не только невероятно сильная, но и очень умелая, точная рука. Рабу так не наловчиться, разве что лесорубу на лесосеке. Впрочем, тут есть загадки и посложнее…

Мрачный человек замолчал, внезапно утратив интерес к разговору. Его собеседники почтительно ожидали продолжения, затем самый молодой из них не выдержал:

– Какие загадки, Аунк?

Аунк, оторвавшись от своих мыслей, поднял на него ледяные серые глаза.

– Ну, например: зачем убийцам крошить тело человека, который убит с первого удара? А я ручаюсь, что с первого…

Ручательство было принято с полным доверием: Аунк знал о колющем и рубящем оружии решительно все и немножко сверх того.

– Это что же, – потрясенно спросил Коряга, – они так озверели, что рассудок потеряли и по мертвецу топорами молотили?

– Не похоже, – покачал головой Аунк. – Удары точные, расчетливые. Кто-то разделывал тело, как мясник – свиную тушу. – Аунк на миг замялся. – Да, мне показалось, что кто-то разрубал мясо для еды. Тем более что некоторых кусков не хватало.

Орешка замутило, а Коряга непонимающе спросил:

– Это зверь, что ли?

– Вот именно, медведь с топором! – насмешливо отозвался Аунк.

Никому другому Коряга не простил бы издевки. Но с Аунком опасался спорить даже Матерый, свирепый главарь разбойничьей шайки. Поэтому Коряга позволил себе лишь злой выпад, спрятанный под завесой почтительности:

– Ну, какое бы там ни было страшилище, тебе бояться нечего. Тебе ведь еще долго жить, аж два месяца, сам говорил…

– Семьдесят четыре дня, – невозмутимо поправил его Аунк.

– А тошно, небось, знать, когда помрешь! – с притворным сочувствием вздохнул Коряга, стараясь побольнее уколоть противника.

Но он имел дело с опытным фехтовальщиком. Аунк и бровью не повел.

– Нет, почему же? – спокойно отпарировал он. – По-моему, куда хуже не знать дня своей смерти. Бродишь себе по земле, посапываешь в две дырки… а может, тебе не суждено дожить до завтрашнего утра.

– Хватит рассиживаться! – обиделся Коряга. – А ну, вставайте оба, пошли дальше!

И поднялся первым, отряхивая с одежды песок.

Тут-то и оборвалась туго натянутая ниточка злого ожидания, тут-то и показала себя недобрая чужая сила, в страхе перед которой замер лес.

В одной из вырытых в обрыве пещерок коротко прошуршал песок, из отверстия прянуло что-то длинное, гибкое, упруго и резко взметнулось над жертвой, с тупым хряском обрушилось наискось вниз…

Тело Коряги беспомощно осело, заливая песок сильной струей крови. Отрубленная бородатая голова покатилась к воде Аунк и Орешек вскочили, выхватили мечи одинаковым движением – точным, быстрым, красивым. Два человека, такие разные, стали вдруг похожи: та же боевая стойка, тот же зоркий взгляд без тени страха…

Из пещерки высовывалась, как сначала показалось людям, змея с непропорционально большой головой. На голове серо тускнел острый гребень, который сбегал с затылка на лоб и выдавался вперед и вниз длинным клином. Вокруг гребня поблескивали маленькие глазки – издали было и не сосчитать, сколько их.

Чудище подалось вперед, и стало ясно, что это не змея, а тварь с невероятно длинной – локтя в три – и очень гибкой шеей. За шеей на свет показалось длинное членистое тело на четырех парах лап.

Гигантская грязно-бурая «гусеница» соскользнула вниз головой по склону на песок и застыла, не понимая, почему жертва не бросается наутек. Тварь любила догонять и бить в спину.

На этот раз никто не собирался доставлять ей такое удовольствие.

– Какой гребень-то острый! – хладнокровно сказал Аунк, словно разглядывая чудовище сквозь решетку клетки. – Вот это и есть топор, который мы искали.

– Вижу, – отозвался Орешек, стараясь, чтобы голос не дрогнул. – Поздравляю с находочкой, можешь взять ее себе. Там еще две выглядывают…

– Где?.. А, вижу! Молодец, ученик! И четвертая высовывается…

Сердито фыркнув, первая «гусеница» ринулась в бой. Остальные уже спешили ей на помощь.

– Та, что ближе, – моя! – бросил Аунк и встретил метнувшееся к нему лезвие гребня точным, аккуратным выпадом. Меч встретился с шеей, но не обрубил ее. Гибкая «змея» лишь прогнулась, крутанула головой, огибая клинок, и вновь взмыла для удара.

– На шее – прочная чешуя! – громко предупредил ученика Аунк. – Попробуй бить по глазам!

– А на лапах – когти! – крикнул в ответ Орешек, которого теснило к реке чудовище, шагавшее на трех парах лап и угрожающе поднявшее в воздух четвертую, переднюю, с широкими, как лопаты, ступнями.

Аунк уже рубился с тремя противниками одновременно. Это был красивый бой! Ловкое тренированное тело легко уклонялось от ударов смертоносных гребней, а стремительный клинок создал между своим хозяином и хищниками непробиваемую завесу.

Гребни-топоры мельтешили, мешая друг другу, и это подсказало бойцу дерзкую мысль. Улучив момент, когда чудовища сгрудились, стараясь добраться до человека, Аунк оттолкнулся от земли и кувырком перелетел через шею крайней твари. Такой прыжок привел бы в восторг любого бродячего циркача. Глухо фыркая, две «гусеницы» ринулись на врага прямо через тело своей третьей товарки, в спешке опрокинули, повалили ее. Аунк упал на землю, чтобы избежать рубящих ударов, перекатился вплотную к третьей твари, которая еще не успела подняться, и всадил клинок в ее светло-желтое тугое брюхо. Из раны выступила густая белая жидкость. Раненая «гусеница» издала резкое предсмертное шипение, которое привело в замешательство остальных хищников. Аунк, успевший вскочить на ноги, почувствовал, что враг дрогнул, и перешел в бешеную контратаку.

Тем временем Орешек не без успеха следовал совету учителя: ему удалось повредить «гусенице» три глаза.

Тварь злобно шипела, мотала длинной шеей, но не отступала. Однако молодой боец заметил, что удары врага становятся неточными, и рискнул на смелый маневр. Пригнувшись, Орешек скользнул вперед, прямо под угрожающе вскинутую пару лап. Вслед ему устремился гребень-топор, задел спину, разрезал куртку, но Орешек не получил ни царапины. Монстр тяжело рухнул на передние лапы, чтобы раздавить наглеца. Но Орешек и не собирался сидеть у врага под брюхом. Вывернувшись сбоку, он задом наперед вскочил на спину твари и беспорядочно, как попало, стал вонзать меч в упругую шкуру. Он колол и колол, не поняв даже, какой из ударов оказался смертельным для «гусеницы».

Поняв, что тратит время на мертвого противника, Орешек спрыгнул с обмякшей твари и ринулся на помощь Аунку, который выбивал грозную щелкающую мелодию на гребнях двух оставшихся в живых монстров.

Под удвоенным напором хищники отступили к песчаному берегу. Люди не стали их преследовать, пользуясь короткой передышкой. Но и чудовища не обратились в бегство – замерев, следили они за добычей.

– Может, в реку уйдем? – предложил Орешек, не сводя глаз с «гусениц». – Я умею плавать.

– А если они тоже умеют? В воде мечом не помашешь. Твоя гадина тебя как раз к реке и теснила…

Договорить Аунк не успел. Из пещерок в склоне вынырнули еще две твари и заспешили к полю боя. Они были гораздо мельче своих собратьев, с более короткой шеей и тупым коротким гребнем.

Люди вскинули мечи, ожидая атаки. Мелкие твари юрко заскользили вокруг, держась на безопасном расстоянии и наклонив к противнику головы с тупыми гребнями, которые, как теперь можно было разглядеть, были усеяны небольшими дырочками. Из этих дырочек ударили тонкие сильные струйки зеленой вонючей жидкости. Попадая на одежду и кожу, струйки застывали, превращаясь в нити очень прочной паутины.

Аунк и Орешек яростно сдирали с себя клочья паутины, рубили их мечами. Отвращение перешло в отчаяние, когда люди поняли, что освободиться не удастся. Шустрые мелкие «гусеницы» продолжали обстрел, снуя вокруг, и вскоре люди бессильно валялись на песке, надежно спутанные по рукам и ногам.

Приободрившиеся крупные твари вскинули свои «топоры» и не спеша, трусцой двинулись к беспомощной добыче.

– Что, учитель, – непослушными губами шепнул Орешек, – нас, похоже, сейчас жрать будут?

Аунк не ответил. Кажется, он даже не услышал вопроса. Лицо его посерело, глаза стали жесткими и сосредоточенными. Негромко, но четко произнес он короткую фразу на языке, которого Орешек ни разу не слышал.

И тут Орешку стало еще страшнее. Ни черточки не изменилось в лице учителя, но парень был готов поклясться, что рядом на песке лежит не Аунк, а кто-то другой, более опасный, чем приближающиеся твари.

Аунк резко напряг мышцы, разорвал зеленую паутину и вскочил на ноги. Нет, не вскочил – взлетел, еще в полете нанеся первый удар ближайшей «гусенице». Удар был так тяжел и ужасен, что перерубил прочную шею, но и сталь не выдержала – меч переломился. Не помедлив ни мгновения, Аунк отшвырнул обломок клинка, подхватил с песка голову «гусеницы» с острым гребнем и с этим «оружием» ринулся на второго врага.

Орешек забыл о стискивающих его тенетах – настолько невероятное и захватывающее зрелище мелькало перед ним. Именно мелькало – глаз с трудом успевал следить за стремительными движениями Аунка. Орешек понял лишь, что его учитель опрокинул «гусеницу», выдрав ей при этом лапу, перевернул чудовище на спину и острым краем гребня рассек живот. Бросив издыхающего врага, он накинулся на мелких тварей и буквально размазал, растер их по песку.

Это была не схватка, это было жестокое, беспощадное избиение, и все здесь было слишком, все чересчур: быстрота, с которой Аунк настиг жертву, мощь, с которой повалил он чудище, ярость, с которой расправлялся он с «гусеницами».

Боги положили предел человеческой силе и ловкости, но тот, кто называл себя Аунком, только что на глазах Орешка шагнул за этот предел!

Схватка закончилась молниеносно. Над Орешком склонилось неузнаваемое лицо – серое, измученное, покрытое бисеринками пота.

Человек, который только что ураганом смел стаю чудовищ, дрожащими руками поднял обломок меча и неуклюже стал резать им паутину. Не сразу удалось ему освободить руки Орешка.

– Дальше ты сам, – пробормотал Аунк и рухнул на песок.

Орешек отдирал со своего меча клочья паутины, опасливо посматривая на Аунка. На языке нетерпеливо приплясывало не меньше десятка вопросов, но парень усилием воли приказал себе заткнуться.

– Проверь пещеры! – донесся до него хриплый, затрудненный, но властный голос. Орешек негромко выругался и послушно полез по склону наверх.

Пещерки, хвала богам, оказались неглубокими, без разветвлений. Парень с отвращением обнаружил, что они были выстланы осколками крупных полупереваренных костей – возможно, и человеческих…

Спустившись к реке, он увидел, что Аунк спит. Лицо учителя было таким усталым и обескровленным, что Орешек не стал его будить и со вздохом поплелся собирать валежник, чтобы сложить погребальный костер для злосчастного Коряги.

Позже, когда был отдан печальный долг погибшему, учитель и ученик сидели у воды и спорили, взять ли с собой для доказательства голову одной из тварей или хватит гребня-топора.

А доказательство было необходимо – на слово им вряд ли кто-нибудь поверил бы (хотя, возможно, Аунка и не осмелились бы в глаза обвинить во лжи). Ведь существа, с которыми только что шел бой, не принадлежали к Миру Людей, а были чужаками, заявившимися

из загадочного Подгорного Мира. Даже Подгорные Охотники – немногочисленные лихие парни, знающие дорогу в те опасные края, – не могли похвастаться, что им известны все обитающие там твари.

Аунк пытался запихать гребень-топор в свой дорожный мешок, когда Орешек набрался смелости заговорить о последних мгновениях боя.

Голос Аунка стал суровым:

– Я открыл тебе много тайн, но эту, самую опасную, хотел приберечь до последних дней моей жизни… ты знаешь, мне осталось жить семьдесят четыре дня.

Орешек искоса бросил взгляд на осунувшееся, землисто-серое лицо учителя. Тонкая кожа так обтянула острые скулы, что, казалось, вот-вот порвется.

– Но я знаю, что ты будешь мучиться неизвестностью, ты ведь любопытен, как сорока. Что ж, слушай: ты сам не знаешь, какое тайное умение носишь в себе…

Душа Орешка сладко заныла в предчувствии чего-то необычного, жутковатого, но невероятно притягательного.

– Человек – ленивое животное, – серьезно и строго продолжил Аунк. – Он понемногу пользуется тем, что дали ему боги. А я научу тебя сразу выплескивать то, что скрыто в тебе. Силу, ловкость, зоркость…

– Ты забыл про ум.

– Про твой-то ум не грех и забыть… Молчи и слушай. Прошлым летом я заставлял тебя подолгу смотреть на лезвие меча, сверкающее на солнце. Ты еще скулил: мол, голова кружится… Так вот: я вводил тебя в особое состояние между сном, бодрствованием и смертью… Молчи, я сказал! Ты этого не помнишь и помнить не можешь. В этом колдовском сне ты заучил одну фразу… нет, не ту, что сегодня услышал от меня. Этот набор слов у каждого свой, неповторимый. Вот эта фраза, прочти ее – только, во имя Хозяйки Зла, не вслух!

Взгляд юноши заскользил за тонкой палочкой, которая выводила на песке буквы.

– Аунк, но это же бред!

– Конечно, бред! Эту фразу ты никогда не скажешь случайно. И никто не произнесет ее при тебе. К тому же бессмыслица легче запоминается. – Аунк тщательно взрыхлил палочкой песок, уничтожая надпись. – Эти слова – ключ. Они откроют в твоей душе потайную дверку и выпустят наружу демона. Ты станешь смертью. Ненадолго, ведь боги дают такие подарки лишь на краткий срок. Но за это время ты успеешь выстелить землю вокруг себя трупами. Потом тебе будет очень плохо – за все приходится расплачиваться…

Голос Аунка зазвенел, как клинок в бою:

– Ученик, заклинаю тебя Последним Костром: произноси эти страшные слова лишь тогда, когда выхода нет и смерть вот-вот догонит и прыгнет на плечи… нет, когда она уже сидит на плечах! И никогда – слышишь, никогда! – не пользуйся этим даром в честном поединке, даже если враг явно сильнее, а на кон поставлена жизнь. Иначе я тебя из Бездны прокляну.

Помолчав, учитель взвесил на руке гребень-топор и уточнил:

– Ну… во всяком случае, если твоим противником будет человек.

2

За раскрытой настежь дверью враждебно дышала ледяная темнота.

Плечистый чернобородый человек, набычившись, глядел через порог во тьму. Он не верил своим глазам. Происходящее казалось тягостным и нелепым сном. Не такой встречи он вправе был ожидать!

Не поднялась в замке суматоха, не забегали слуги с факелами, не придержал стремя сам Хранитель замка, чтобы помочь сойти с седла дорогому гостю, окруженному свитой.

Нет, ворота распахнулись быстро, а узкий подъемный мостик был даже заранее опущен, как будто ночной приезд не был неожиданностью. Услужливые проворные тени приняли и увели лошадей – но тихо, без радостной суеты, словно в замок стягивались заговорщики, а не пожаловал Нуртор Черная Скала, король Силурана.

И эта башня с черным проемом распахнутой настежь двери!

И этот согнувшийся в поклоне седой слуга вместо Хранителя замка!

– Где Айрунги? – рявкнул король. – Почему не разбудили своего господина, ленивые твари? Почему не сказали ему, что прибыл государь?!

Казалось, даже голова вепря, вышитая на его камзоле, ощерилась грознее, чем обычно.

– Хозяин не спит, – очень почтительно, но без тени страха ответил слуга. – Почти каждую ночь у него бывают гости – и порой даже более могущественные, чем король… ужасные гости… – Голос слуги дрогнул. – Впрочем, мой господин готов к встрече с любым, кто прибудет в замок. Но если прибывший хочет, чтобы от его разговора с магом была польза, он должен сам войти к моему хозяину – и обязательно один!

Из-за спины опешившего короля возник статный белокурый человек в нарядном камзоле.

– Не слишком ли много чести для твоего хозяина? – насмешливо и гневно спросил он. – Ох, распустил колдун слуг, раз они в присутствии короля смеют так языком махать!

– Я говорю то, что мне приказано говорить, – спокойно поклонился старик. – И пусть государь не беспокоится о свите: о ней позаботятся…

Король хмуро и сосредоточенно размышлял, поглядывая на темный дверной проем. Створки дверей были похожи на челюсти капкана.

Белокурый спутник короля украдкой бросил на Нуртора удивленный взгляд. Зная нрав своего повелителя, он ожидал куда более бурного развития событий. Король давно уже должен был рассвирепеть и приказать, чтобы дерзкого колдуна вытащили за бороду во двор. Да и для языкастого слуги нашлось бы подходящее наказание.

А государь стоит и раздумывает – занятие не совсем привычное для любого из Вепрей, а уж для Нуртора и подавно…

– Ладно, – сказал вдруг король мирным голосом. – Попробую играть по правилам, которые предлагает этот маг. Но горе ему, если все окажется глупой комедией!

– Государь! – встревожился белокурый щеголь. – Ты не можешь пойти один в это проклятое логово!..

– Это не логово, Аудан, – отозвался король чуть потеплевшим голосом. – Это замок, где мы с тобой частенько бывали в юности.

– Тогда он был в руках благородного, честного и надежного Хранителя! – вздохнул Аудан. – Человека, смерть которого была для меня таким же горем, как и для моего государя! И мне больно думать, что в замок этот вполз подозрительный и опасный колдун, который явился неизвестно откуда и заморочил всех при дворе своим длинным грайанским языком… ничего, кстати, еще не сделав. И теперь это – логово!

– Выходит, я по глупости позволяю разным проходимцам селиться в замках, принадлежащих короне? – рявкнул, багровея, Нуртор. – Здесь кто-то смеет поучать короля?! Не забывайся, Аудан! Ты, конечно, Правая Рука, но запомни: чтобы указывать мне, сначала тебе придется спихнуть меня с трона и плюхнуть на этот трон свою собственную задницу!

Белокурый придворный склонил голову в знак покорности, но вообще-то принял выволочку невозмутимо: ему было не привыкать. Тяжелый нрав Нуртора Черной Скалы вошел в поговорку. И лишь один человек в Силуране мог сохранять хладнокровие рядом с разгневанным государем. Более того, Аудан Гибкий Лук из Рода Риавар был единственным, кто осмеливался высказывать свое мнение и даже спорить с королем, упрямым и своенравным, как и любой Сын Клана Вепря. Воспитанный вместе с Нуртором, игравший и дравшийся с ним в детстве, Аудан мог бы, пожалуй, считаться даже другом короля, если допустить, что Нуртор вообще мог бы быть кому-нибудь другом…

Выждав, когда утихнет гневный рев, Аудан спросил вкрадчиво:

– Могу ли я хотя бы нести факел, чтобы осветить дорогу моему повелителю?

– Путь государю, – почтительно вмешался слуга, – озарит иной свет. Не жалкий факел в человеческих руках… пусть даже в руках столь достойных, – поспешил он поклониться возмущенному Аудану, – а огни, что загораются лишь для тех, кто не таит в душе страха… а отвага Вепрей известна всем!

Это были именно те слова, которые могли подтолкнуть колеблющегося короля.

– Ждите меня здесь! – властно бросил он и перешагнул черный порог.

И тут же по обе стороны длинного коридора сами собой вспыхнули свечи в высоких бронзовых шандалах.

За спиной раздались изумленные и испуганные голоса. Свита тревожилась за государя, но никто, даже Аудан, не рискнул нарушить прямой приказ Вепря. Это означало бы подписать самому себе смертный приговор.

На миг король остановился, свирепо засопел – и решительно двинулся по коридору.

* * *

С раздражением и недоверием оглядел Нуртор сводчатый зал, освещенный лишь пламенем большого очага. По стенам, задрапированным тяжелыми тканями, ползали бесформенные тени. Кое-где из драпировок, как из засады, выглядывали полки, с которых на короля пялились траченные молью звериные чучела. На широком столе тихо светились странной формы стеклянные сосуды и тускло поблескивали непонятные железяки, похожие на орудия пыток.

Мертвые черные светильники, на цепочках спускавшиеся с потолка, походили на злобных птиц, парящих в полумраке. Нуртору хотелось взмахом руки отогнать их прочь.

Король помнил этот зал иным. Помнил веселую пляску факельных огней, стол, уставленный яствами, суетящихся слуг; помнил ленивых и ласковых собак, развалившихся под ногами гостей; голоса бродячих певцов, тонущие в хохоте и криках пирующих.

Хорошо было здесь при жизни прежнего Хранителя замка. Весело, тепло… да, именно тепло! Не пробирал вошедшего ледяной холод вдоль позвоночника, не глядели недобро узкие окна, как враждебно сощуренные глаза… огонь в очаге не напоминал о погребальном костре… не заползал во все углы странный, едкий, ни на что не похожий запах, мерзость какая-то…

Единственное, что осталось в зале от прежнего убранства, – это пышные драпировки по стенам. Но сейчас даже эти тряпки топорщились такими безобразными складками, что наводили на мысли о скрывающихся за ними убийцах и тайных соглядатаях.

Виновником перемен был высокий старик в темном балахоне, что стоял сейчас у очага спиной к королю и грел руки над пламенем, точно был один в комнате и вообще на свете. Седые волосы, прядями рассыпавшиеся по плечам, казались розовато-серыми в отблесках огня.

В глазах Нуртора этот старец был столь же мирным, благостным и добродушным, как клубок змей на солнцепеке.

Досада короля росла, сменяясь гневом. Как смеет этот человек – будь он хоть трижды чародей – так бесцеремонно держаться в присутствии государя Силурана, потомка Первого Вепря?

Еще немного – и ярость Нуртора прорвала бы плотину благоразумия. Но тут старик, словно прочитав его мысли, обернулся.

– Приветствую моего повелителя! – сказал Айрунги Журавлиный Крик радушно, хотя и без тени подобострастия. – Я рад видеть государя под этой убогой кровлей.

Короля передернуло. «Убогая кровля», надо же сказать такое! Силуран позволил этому старикашке поселиться в замке, от которого не отказался бы Мудрейший любого Клана… Впрочем, колдун, кажется, стоил того, что на него затрачено. Надо быть с ним поприветливее…

Правитель Силурана ненавидел сдерживать свои чувства. Это причиняло ему почти физическую боль. Король стиснул зубы, словно стараясь прикусить рвущуюся наружу злобу, и приблизился к очагу, в котором ровным пламенем горели куски каменного угля. Чародей не сводил с Нуртора цепких, колючих глаз, в которых извивались отблески огня.

– И пусть мне не говорят, – продолжал Айрунги бархатным голосом, – что государь прибыл ко мне за приворотным зельем. Такому мужчине не отказала бы ни одна красавица, даже если бы на его камзоле не была вышита морда вепря!

– Довольно, почтенный Айрунги! – прервал король эту дерзкую болтовню. – Никто не считает тебя деревенским знахарем, торгующим приворотными зельями. А зачем я сюда прибыл… Ты же мудрец, сам догадайся!

– Государь, мы не дети, чтобы играть в «угадки». Я спрошу огонь, он ответит…

Чародей железной лопаточкой осторожно поправил угли, чтобы пламя сделалось еще ровнее, и устремил в очаг пристальный взгляд, точно пытался разобрать полустертые знаки на старом пергаменте.

– Грайан… – произнес он медленно, пробуя это слово на вкус, как драгоценное вино. – Грайан… твои мысли там, государь, на родине твоих предков.

– Это и белке в лесу понятно! – желчно отозвался король. – Перебери все Ветви Изгнания и найди мне такого недоумка, которому не снился бы Великий Грайан!

Внезапно в глазах короля, как тень рыбы в глубине реки, мелькнуло недоверие, голос чуть дрогнул:

– Но к чему говорить о глупых снах и бесполезных мечтах? Скоро будет три столетия, как наши предки были изгнаны за северную границу Грайана. Пора бы признать Силуран своим единственным домом – особенно мне, правителю этой страны. Боги ясно выразили свою волю, как же могут люди противиться ей?

Колдун протестующе вскинул желтую, словно пергаментную руку со следами старых ожогов:

– Это не твои речи, Вепрь! Пусть трусы и лентяи говорят о нерушимой воле богов, а великому государю такие слова не к лицу! Любой жрец подтвердит: Безымянные всегда на стороне героя, который прокладывает свой путь сквозь бури, вражьи клинки и сети подлых интриг!

– Ты говоришь об одиночках, старик. Мне же приходится думать о благе государства…

Нуртор и сам почувствовал фальшивую нотку в своих словах. Он гневно вгляделся в лицо Айрунги – не мелькнет ли в темных глазах насмешка?

Колдун твердо выдержал взор Вепря – взор, заставлявший бледнеть самых отважных воинов из королевской свиты.

– Достойные слова, господин мой! Вот и подумай о благе государства, сейчас самое время! И, во имя Безликих, сделай хоть что-нибудь!

– Да как ты смеешь!.. – рявкнул было король, но его остановил удивленный взгляд Айрунги. Не испуганный, а именно удивленный. Взяв себя в руки, Нуртор продолжил тоном ниже: – Ты дерзок, старик. Не забывай, что говоришь со своим повелителем – и с Сыном Клана Вепря!

– Государь, – ответил колдун с нотками разочарования в голосе, – ты захлопываешь дверь перед моей неучтивостью, но оставь хоть щелку для моего искреннего желания помочь, для моих редких познаний, для моего опыта… – Айрунги огорченно повел узким плечом. – Впрочем, ты – король. Как прикажешь… Так тебе нужна лесть? Ты ради этого скакал в такую даль? Во дворце, видно, этого добра мало…

Нуртор почему-то почувствовал себя виноватым и из-за этого заговорил еще более раздраженным тоном:

– Что мне нужно? Мне нужно, чтобы ты вспомнил, за что Силуран платит тебе деньги. И немалые, кстати, деньги! И мне совершенно ни к чему твои кивки в сторону южной границы. Могу напомнить: во время последней войны с Грайаном, – Нуртор сглотнул ругательство, как застрявший в горле комок, – по загривку получил совсем не Грайан! Мы отдали Черную Пустошь, уступили земли вдоль реки Дикой… ладно, не жаль, земли заброшенные, люди на них почти не селятся. Война там крепко поработала, нечисть разная гуляет… А вот Яргимир, Богатый Город! Он же преспокойно перешел на сторону врага, сам открыл ворота, признал Бранлара своим королем! Яргимир, украшение моей короны! Это ли не удар?

– Удар! – серьезно и сочувственно откликнулся старец. – Но если у крестьянина град выбивает всходы – разве закатывает он глаза к небесам и произносит речи о воле Безымянных? Нет, он тяжело вздыхает и готовится к следующему посеву. Так может ли потомок Первого Вепря быть менее мудрым и стойким, чем жалкий землепашец?

– Ну, если это и есть советы, за которые я так щедро плачу…

– Мудрость не может оплачиваться слишком щедро. Но мой государь хотел говорить не об этом, верно?

– Не нужно быть колдуном, чтобы догадаться… Я приехал из-за Морских Кланов. Они вконец обнаглели – не пропускают к нам торговые суда. И я уверен, что за пиратскими рейдами, которые лишили меня четырех прекрасных кораблей, скрываются все те же хищные твари – Спрут, Акула и Альбатрос!

– «Соленая пена», «Бурун», «Крик чайки», «Летящий», – тихо и серьезно произнес седой чародей, вновь устремив взор в огонь. И при каждом слове в груди Нуртора тупо колыхалась боль утраты.

– Ты неплохо осведомлен, почтенный Айрунги, – недобро прервал он старца. – Вижу, у тебя есть уши при дворе.

– К чему мне платить шпионам? – кротко отозвался бархатный голос. – Огонь – это книга, хранящая множество тайн, дивных и страшных. Тайны эти открываются бесплатно, сумей лишь прочесть. Ибо сказано мудрыми: «Для тех, кто хочет видеть, боги создали свет, для тех же, кто не хочет, – мрак…» Вглядись в пламя, государь, в самую глубину его, в самую душу…

Король отшатнулся, словно огненные языки выплеснулись из очага ему в лицо.

– В самую душу? Что… что ты знаешь о Душе Пламени, старик?!

Лицо Айрунги мгновенно стало замкнутым, отстраненным.

– Государь, мы должны довольствоваться тем, что открывают нам Безымянные… или та, что имеет слишком много имен, ни одно из которых я не хочу называть. Оставь богам их тайны, не пытайся узнать больше того, что начертано пред тобой пылающими буквами… – Внезапно голос колдуна стал резким и повелительным: – Да взгляни же!

Властным движением Айрунги простер руки над очагом. В пламени зазмеилась длинная фиолетовая полоса.

– Море, – выдохнул старик. Нуртору почудилось, будто в зале повеяло соленым ветром. А чародей повторил плавно и протяжно: – Мо-оре!.. Не вижу эскадр моего короля, громящих корабли Морских Кланов. Не вижу крови его врагов на волнах. Не вижу, как ликуют, встречая победителей, толпы на пристанях силуранских портов…

Рядом с фиолетовой полосой заплясала еще одна, такого же цвета, но шире, ярче.

– Нет! – сурово изрек колдун. – Не будет Силурану успеха на море!

– Да ну? – с хмурой издевкой бросил Вепрь. – Вот удивил! Да ты шутник, почтенный Айрунги! «Эскадры, громящие врага»… да их просто нет! А «ликующие портовые города»… после предательства Яргимира их всего два осталось! А Грайан как раз на море особенно силен. Как ни сопротивлялись Проклятые острова, а он в прошлом году их… того… принял в отеческие объятия.

Помолчав, король добавил мрачно:

– Может, это и наша судьба? Может, Силуран когда-нибудь станет провинцией Великого Грайана? Да не допустят боги, чтобы я до этого дожил!

– Ну, почему же? – усмехнулся Айрунги. – Конечно, я мог бы согласиться с тобой, государь, и напророчить Силурану ужасную участь. И ты ушел бы отсюда, преисполненный уважения к моей мудрости и прозорливости. Таковы люди: они охотнее верят мрачным предсказаниям, чем светлым… и лишь Безымянные знают, почему это так. Но я скажу тебе правду: Силуран достаточно силен для великих свершений под рукой умного и решительного правителя. И пламя… – Айрунги вгляделся в очаг и уверенно закончил: – Пламя сулит тебе надежду! Твои предки, государь, ушли из Грайана изгнанниками, а ты вернешься туда победителем!

В дымоходе коротко и зло провыл ветер.

С возрастающим страхом глядел Нуртор, как в огненной стене заметались вовсе уж невиданные языки – зеленые! От очага плыла жара, обнимала, обволакивала, кружила голову крепче наррабанского вина. Мерзкий запах усилился, стал почти невыносимым. Почудилось, что кто-то подкрадывается сзади на мягких лапах. Не выдержав, король обернулся. Звериные чучела мрачно глядели на него стеклянными глазами.

– В огонь! – настойчиво повторил колдун. – В огонь смотри! Увидишь ступени, что ведут к высокому престолу Грайана!

– Я завоюю Грайан? – хрипло переспросил Нуртор, вцепившись короткими толстыми пальцами в свою черную бороду. – Завоюю… но что же… но как же… Что я должен сделать, с чего начать?

– Начать, начать… – рассеянно пропел Айрунги, нависнув над очагом и не отводя глаз от разноцветного пламени. – Когда закончишь – узнаешь, с чего надо было начать… О, вот оно! Вот первая ступень твоей великой лестницы! Смотри, государь! Смотри! Неужели не видишь стен и башен Ваасмира? Вглядись же! Вот Клыкастая башня, которую повелел воздвигнуть твой предок, Первый Вепрь!

До боли, до рези в глазах таращился Нуртор на немыслимое пламя, на извивающиеся цветные полосы. В голосе чародея звенела такая убежденность, что королю и в самом деле померещилась на миг приземистая башня с двумя вытянутыми каменными «клыками», прикрывающими подъемный мост. Мелькнула – и пропала.

– Ваасмир? Широкий Город? – растерянно бормотал Нуртор. Перед глазами плыли яркие пятна, нарастал гул в ушах, страх стискивал горло, мешая дышать.

Но вместе со страхом, как всегда, пришел гнев.

Король пошире расставил свои толстые, крепкие ноги, с усилием поднял отяжелевшую голову.

– Та спятил, старик! Вспомни, кому ты осмелился морочить голову!.. Там же… это… от ближайшей пристани… посчитай, сколько там дней пути!

– Кто говорит о пристанях! – Айрунги не отворачивался от огня; его худое лицо еще больше заострилось и стало хищным, как у щуки. – Я же сказал – забудь о море! Удача ждет тебя не там!

– А где? Может, я должен тащить армию напрямик, через Лунные горы? Там всего три перевала, каждый наглухо заперт крепостью – этого твой огонь не показывает? Сам понимаю. Ваасмир – богатый торговый город… но сколько воинов я положу на перевалах? Или ты своими чарами перебросишь армию к Ваасмиру? Через горы, а? С обозами и осадными орудиями? Такого и Двенадцать Великих не сумели бы! Ну, что ты можешь предложить, кроме пустой болтовни?

Кроваво-красный язык пламени вырвался из камина, змеей взметнулся у лица короля. Поперхнувшись, Нуртор замолчал.

– Я могу дать тебе союзников, – негромко, почти равнодушно бросил колдун.

Было в этих простых словах нечто такое, что заставило короля содрогнуться. Чтобы скрыть испуг, он отрывисто хохотнул:

– Союзников?! Во имя всех ликов Хозяйки Зла, каких еще союзников?

И тут случилось страшное. В ответ на слова короля пламя взметнулось ввысь, разлетелось клочьями, словно его размела невидимая рука… и опало, погасло. Только недобро тлели раскаленные угли.

– Спасайся! – взвыл Айрунги, без всяких церемоний ухватив короля за рукав. – Прочь отсюда! Скорее!

Он почти выволок своего гостя за дверь. Нуртор не сопротивлялся, он даже не заметил непочтительности колдуна.

Оба оказались в длинном коридоре, вдоль которого выстроился ряд высоких шандалов. Свечи все еще горели.

Айрунги захлопнул дверь и привалился к ней спиной.

– Ох, государь! Я знаю, ты не ведаешь страха… а все же не стоило там поминать Тысячеликую!

Вепрь отер лицо рукавом, шумно и тяжело продышался, пока не унялось стучащее о ребра сердце. С отвращением отбросил мысль о пережитом ужасе – и тут же вернулся к главному:

– Ты хотел что-то сказать о союзниках!

– Я хотел? – вскинул и без того высокую бровь Айрунги. – Это ты изъявляешь такое желание, государь… О, свечка погасла!

Чародей достал из шандала огарок.

– Начал – так говори! – набычился король. – Что за союзники? Предатели у трона Джангилара? Или ты уговоришь Ксуранг заключить со мной союз?

– Спросим у огня, – с еле заметной иронией ответил колдун и сунул в руки Нуртору свечной огарок, который не успел зажечь.

Нуртор в недоумении взглянул на синевато-белый, конусообразной формы кусок воска, обезображенный наплывами. Хотел было рявкнуть на обнаглевшего старикашку, но вдруг замер, всмотрелся внимательнее…

Потеки расплавленного воска превратили свечу в подобие человеческой фигурки с крохотной головой, покатыми плечами и непомерно длинными руками.

– Это же… это… – выдохнул, не веря своим глазам, король. Он швырнул свечу на пол и брезгливо вытер руки о камзол. – Да как ты посмел предложить мне… Неужели ты решил…

– Нет, государь, – холодно отозвался чародей. – Это ты решил.

Король вцепился в плечо Айрунги, отбросил колдуна к стене. Гнев Нуртора рвался наружу, как кабан, проламывающийся сквозь речные камыши.

– Чтоб я связался с нечистью? С Подгорными Людоедами?.. Конечно, ты можешь так думать, раз я спутался с тобой! Ведь знаю же я, что истинной, чистой магией владеют лишь избранные потомки Двенадцати Великих! А прочие… – Нуртор задохнулся и шепотом закончил: – Сила их – от Хозяйки Зла!

Айрунги невозмутимо глядел королю в глаза. Ничего не подтверждал. Ничего не отрицал. Просто молчал.

Нуртор ослабил хватку. Во взгляде его – небывалое дело! – мелькнуло что-то вроде мольбы.

– Старик, ты всегда называешь лишь свое имя. А я никогда не спрашивал о твоем происхождении… даже когда сделал тебя Хранителем этого замка… Знаешь – почему?

– Знаю, государь. – Айрунги не отводил твердого взгляда от раскрасневшегося лица короля. – Это позволяло тебе надеяться, что я – один из высокородных, но по какой-то причине не ношу на одежде знаки Клана.

– Верно! Но сейчас я хочу знать правду. Отвечай: откуда ты? Из Рода? Из Семейства? Или… или все же из Клана?

– Может – из Рода, – спокойно отозвался чародей. – Может – из Семейства. А может, просто раскрылась скала – и я вышел из нее…

– Просто раскрылась… Тьфу! – Нуртор потерял дар речи от подобной наглости.

– Государь, к чему тебе гадать об истоках моей силы? Главное – ты можешь использовать ее, как тебе заблагорассудится. Когда путник находит на дороге золотую монету, он не раздумывает о том, кто обронил ее – разбойник или праведник. Просто тратит золото, вот и все…

Мощным усилием воли Нуртор заставил себя успокоиться.

– Это… это слишком серьезно. Я должен все обдумать. Позже извещу тебя о своем решении.

– Как будет угодно моему повелителю, – согнулся чародей в низком поклоне.

3

Стоя меж зубцами стены, Айрунги смотрел, как удаляются король и его свита, как рвет кавалькада факелами ночной мрак. Лес притих, остро благоухали ночные травы, вдали лениво прокатился гром: к замку подступала гроза.

Айрунги усмехнулся с недобрым торжеством: даже близкая непогода не смогла задержать короля в обители черного колдовства!

Неслышно подошел старый раб с плащом в руках. Айрунги молча отстранил плащ и стал медленно спускаться, не слушая бормотания слуги о горячем ужине и теплой постели.

Хранитель замка возвращался в сводчатый зал. Если бы король мог увидеть его сейчас, он заметил бы происшедшую в чародее перемену. Сутулая спина распрямилась, походка, оставшись неспешной, стала легче и увереннее. Айрунги выглядел куда моложе, чем ползвона назад.

Чтобы сократить путь, он пошел по открытой галерее вдоль стены. Меж столбами, поддерживающими деревянную кровлю галереи, протянулись ажурные решетки. Лунный свет, пробиваясь сквозь пелену туч, свивал металлическое кружево в легкую изящную паутину. Но Айрунги знал, что красоту решеток в полной мере оценить можно было лишь днем, когда железные полосы сплетались в необычные рисунки. Взгляд выхватывал из хаоса изогнутых линий то лисью морду, то голову лося с широкими рогами, то коршуна, снижающегося над зайцем. В каждой решетке было «спрятано» несколько картинок, которые глаз воспринимал отдельно. Айрунги давно разобрался в сути фокуса. Плоские железные ленты соединялись друг с другом под разными углами. Человек, проходя по галерее, видел одну картинку, через несколько шагов – другую, третью… Это было чудо, которое могли сотворить лишь ремесленники Джангаша – столицы Силурана. И лишь очень богатые люди могли украсить этим чудом свой дом.

Еще недавно Айрунги, проходя галереей, испытывал прилив восторга. Все, что говорило о власти и богатстве, тешило его гордость победителя, захватчика: ведь ему, человеку низкого происхождения, все в этой жизни приходилось брать с боя – только не оружием, а хитростью. Замок был самым крупным куском, какой ему пока довелось откусить.

Увы, подобные чувства волновали его недолго. Уж таким уродился Айрунги: полученное быстро теряло для него цену. Его интересовало лишь то, до чего он еще не дотянулся…

От сосредоточенных раздумий Хранитель замка отвлекся лишь на миг – когда услышал возню и писк в темном углу. Он подумал, что завтра надо приготовить яд для грызунов, и легкая улыбка скользнула по его губам. Радость, осветившая лицо, не имела никакого отношения к травле крыс. Просто Айрунги любил возиться с разными порошками и жидкостями – смешивать, растирать, сжигать, растворять, улавливать газ в стеклянные сосуды…

Она была опасна, эта дивная игра, лучшая из игр, придуманных людьми назло богам. Айрунги расплачивался за нее пятнами ожогов на коже, расплачивался сильнейшими отравлениями, которые чуть не унесли его в Бездну, расплачивался болью в легких, опаленных каким-то газом, которому он даже не дал названия, потому что так и не сумел получить вторично.

Но игра стоила того! Стоила риска, сил, времени, здоровья! Она давала Айрунги возможность хотя бы по крохам утолить неуёмное любопытство, отчаянное желание сунуть свой острый нос во все секреты Безликих. Почему они устроили мир именно так, а не иначе? И как, собственно, они его устроили? А главное (это уже шепотом, про себя, меж двумя ударами сердца) – можно ли этот мир изменить?

Получая из одних веществ другие, Айрунги чувствовал себя всесильным творцом… чувствовал себя магом – хотя бы на этот краткий срок!..

Войдя через маленькую дверцу в коридор, где недавно он поставил короля перед ужасным выбором, Айрунги замедлил шаг, задувая свечи и вспоминая все подробности удачного вечера. Пожалуй, он немного затянул время, когда не сразу приветствовал короля. Он мог разъярить Вепря… впрочем, ничего: полезно дать почувствовать свою силу и независимость.

Но все же две ошибки он допустил. И главная из них – глупая оговорка, случайное упоминание о душе Пламени. Нуртор этого не забудет.

А может быть, это даже к лучшему? Не воспользоваться ли фразой, случайно слетевшей с языка? Рискнуть… внушить королю, что он, Айрунги, знает не меньше, чем великий Шадридаг Небесный Путь, равных которому среди потомков Двенадцати Магов не было и нет?..

Ни в коем случае! Это слишком опасно! Нуртор станет требовать от него великих магических свершений…

Глупо, между прочим! Если бы Айрунги подчинил себе Душу Пламени, он бы не торчал в захолустном замке, а восседал на троне Силурана – для начала. А Нуртора Черную Скалу назначил бы сотником дворцовой гвардии – самое подходящее место для храброго идиота…

Сводчатый зал встретил своего господина душной тишиной и полумраком. В очаге тлели угли. Айрунги разбросал их ударами лопатки. Открылся узкогорлый железный сосуд, потемневший от огня. Айрунги нагнулся, рассматривая следы медного припоя на горлышке.

Вот она, вторая серьезная промашка! Вот где могли провалиться в Бездну все планы! Медь расплавилась медленнее, чем он ожидал. Газ, рожденный из смеси мела с уксусом, не сразу смог сорвать крышку и погасить огонь. Пришлось тянуть время, незаметно сыпать в очаг соль, поташ, гашеную известь и прочие вещества, меняющие цвет пламени… Зато как повезло, что король помянул Хозяйку Зла именно в тот момент, когда крышка сорвалась! И со свечой получилось отлично – не зря Айрунги все утро возился с огарком, поливал со всех сторон воском, чтобы достичь нужного впечатления.

Смешно! Потомок Первого Вепря, в чьих жилах течет кровь великих магов, дрожит от страха при виде грошового фокуса!

Усмешка мелькнула на тонких губах Айрунги – и умерла. С коротким стоном отчаяния он швырнул железную лопатку прямо в очаг, на угли.

Король прав! Магией владеют лишь потомки Двенадцати, да и то немногие!

Когда-то Айрунги с жадной надеждой собирал по крупицам все, что можно было узнать о загадочных и страшных Ночных Магах. Откуда их сила, от Хозяйки Зла? Да он, не раздумывая, заключил бы договор с Серой Старухой, посулил бы ей любую вещь… пусть бы душа его дотла сгорела в Бездне и никогда больше не возродилась в человеческом теле…

Увы, таинственные Ночные Маги, как правило, оказывались незаконными отпрысками кого-нибудь из высокородных. Значит, им тоже давала волшебную силу кровь Двенадцати…

От недавнего довольства собой не осталось и следа. Во рту появился мерзкий привкус – вроде полыни или желчи. Как знал он этот вкус позора, вкус унижения! Шарлатан! Можно умело морочить простаков, можно добиться славы, богатства… но как заставить самого себя забыть про детство в повозке бродячих циркачей?

Был балаганным шутом, шутом и остался! Только рискует головой… Самому противно, к каким жалким трюкам приходится прибегать! Даже волосы обесцвечивает, чтобы выглядеть седым старцем – для солидности… А ведь ему лишь тридцать два года!

Если он сделает неверный шаг и сорвется со своего каната, с каким презрением отшатнутся от него люди! «Проходимец, потянувшийся за золотом и властью!» – вот что скажут о нем. Ну да, золото, ну конечно, власть, кто же от этого откажется? Но как выскажешь им

всем главное, то, что пронзительно, мучительно поет в душе, не дает забыться в уюте и довольстве…

Зависть! Проклятая зависть! И к кому – страшно вымолвить…

Протянув руку, Айрунги пошарил на полке с рукописями. За стопкой фолиантов, переплетенных в кожу и дерево, притаился свернутый в трубку лист плотной серой бумаги. В темноте, которую лишь слегка рассеивали тлеющие угли, нельзя было прочесть ни буквы, но Айрунги и без того помнил каждую из них. Крупные, аккуратно выведенные знаки для тех, кто учится читать. Много таких листов продается по дешевке на ярмарках – отрывки из летописи, составленной великим историком и законоведом по имени Санфир Ясная Память из Клана Лебедя.

Сколько раз приходилось Айрунги срываться с места, бежать, бросив все имущество, в том числе и бесценные древние манускрипты. А с этим грошовым свитком не расставался в самых опасных передрягах.

Первое, что он прочел в своей жизни. Чудесная история, ударившая в сердце, навсегда покорившая мысли, воспламенившая воображение.

И сейчас, бережно поглаживая кончиками пальцев шероховатую бумагу, Айрунги повторял наизусть слова древней легенды. Перед глазами его оживала страна, которая не была еще Великим Грайаном, вообще не была страной – так, каша из мелких владений, где каждый глава Рода считал себя правителем, где не прекращались междоусобные войны, где бойцы не знали, кого они убивают и за что погибают. Пылали деревни, мычали угоняемые стада, стонали в огне поля, с которых некому было снять урожай. Люди уходили в леса и жили там, как дикие звери.

И брели по горному ущелью, спасаясь от погони, те, кому Айрунги завидовал до пожара в сердце: двенадцать оборванных, измученных, голодных воинов из разбитого отряда.

Айрунги самозабвенно шептал:

«Край, что зовется сейчас Лунными горами, укрыл беглецов. И нашли они среди скал источник, что цветом воды и запахом не походил на прочие источники. Сказал один из воинов: «Нельзя пить эту воду, это грозит нам смертью». Но другой ответил: «Все грозит нам смертью, и замучила нас жажда». И пили они воду, все двенадцать, и объял их сон, и дважды восходила над ними луна, и дважды – солнце, а они все спали и не было на земле сна, подобного этому, и не будет впредь без воли Безымянных богов.

И видел первый из воинов, что стал он могучим драконом. Крылья его подобны были грозовым тучам, и мог он, пав с небес на лесную поляну, подхватить и разорвать лося.

Второй во сне был лебедем и навсегда запомнил красоту своего отражения в осенней воде, темной и неподвижной, усеянной звездами золотых листьев.

Третий рыскал под луной в волчьем обличье, и откликалась стая на зов его.

Четвертый могучим вепрем ломился сквозь чащу, и все живое уступало ему дорогу.

Пятый желтоглазой рысью, беспощадной тенью охотился в листве деревьев, и точен был его прыжок, и неумолимы были когти.

Рев шестого заставлял лесные дебри содрогаться, ибо был он медведем, и сила бугрилась мышцами под шкурой его.

Когда в третий раз встало над ущельем солнце, проснулись все двенадцать и заговорили о снах своих. Тот, кто был драконом, хотел рассказать о полете, но перебили его те, кто был соколом, орлом, альбатросом и вороном, ибо помнили и они, что такое ветер под крылом и земля далеко внизу.

Говорили все, кроме двоих, глядевших друг на друга так, словно они впервые встретились.

Наконец молвил один из них: «Я узнал тебя! Ты был спрутом, большим, как корабль! Своими щупальцами ты раздавил в щепки рыбачью лодку!»

И услышал он в ответ: «И я узнал тебя! Огромной акулой кружил ты вокруг той лодки, вокруг рыбаков, что цеплялись за обломки!»

«Тише!» – заглушил всех окрик Медведя. И вслушались они, и познали голос гор, голос камней. И поняли, что оставаться у источника нельзя, ибо должны рухнуть утесы и сомкнуться ущелье…»

Айрунги тщательно скатал свиток. Он не мог заставить себя читать дальше. Это было слишком больно.

Ну почему, почему эти двенадцать битых вояк получили от богов такой немыслимый подарок? Чем они это заслужили? Выпили воды из горного родника, который потом завалило землетрясением? Узнать бы, где находился этот источник! Он, Айрунги, голыми руками расшвырял бы камни, насквозь процарапал бы скалы!..

Что они умели, эти Двенадцать, отринувшие свои прежние имена и принявшие новые? Они могли летать, могли менять свой облик, становиться невидимыми, могли грозным гласом обращать в панический ужас войска… могли заставить своих смертельных врагов покорно повиноваться своим приказам… взглядом возжигали огонь, умели создавать волшебные предметы, переливая в них свою силу… Даже Санфир, при всей его дотошности и научной добросовестности, пишет: «И не перечислить всего, чем одарили их Безликие». Хотя мог бы, конечно, расстараться и перечислить…

Теперь-то Истинных Магов мало. В Силуране, например, их двое. Хвала Безымянным, оба не интересуются политикой и не отбивают хлеб у таких, как Айрунги.

У тщеславных шарлатанов. У бездарных завистников.

Айрунги надменно вскинул голову.

Что ж, пусть высокородные кичатся своей истинной силой. А такие, как он, не станут брезговать и краденым могуществом! В его руки попал волшебный предмет. Настоящий, созданный великим чародеем, до краев наполненный магической силой! Теперь можно спустить с цепи бурю, которая всколыхнет мир и поднимет Айрунги на сияющие вершины власти!

Правда, сам он всегда будет помнить, что его великий путь начался с заурядной кражи…

– Ну и пусть! – негромко сказал Айрунги вслух. – Зато теперь балаганный шут столкнет в смертельной битве два великих королевства!

И тут случилось нечто непонятное и жуткое. Зарябила перед Айрунги полоса серебряного света. На фоне этой полосы возникло лицо – бледное, обрамленное узкой черной бородой. Густые брови приподнялись, дрогнул тонкий рот под полоской усов. И Айрунги не то услышал, не то прочел по губам: «Глупец!»

И все исчезло.

Айрунги судорожно протер глаза. Что за морок наводит на него Хозяйка Зла? Нет, он просто устал… такая рискованная игра! Но теперь главное позади. Надо выбросить все из головы, успокоиться, поскорее лечь и уснуть.

4

– Глупец! – пробормотал чернобородый высокий мужчина, откидываясь в кресле.

В зеркале перед ним медленно исчезало изображение сводчатого зала, багровых углей в очаге, мерцающих стеклянных сосудов на столе… Наконец зеркало превратилось в серебристую полосу, по которой пробегала мелкая рябь, точно по озерной глади под легким ветерком.

Человек сделал небрежный жест, словно отпуская слугу. На сияющей глади вновь начало проступать изображение. Но теперь в зеркале отражалась другая комната – небольшая, богато убранная, освещенная восковыми свечами. В углу на серебряной жаровне курились благовония из Ксуранга. Мерно журчала розовая жидкость в старинных водяных часах, перетекая по узорному сплетению тонких трубок из одной хрустальной чаши в другую. Хозяин любил этот звук – уютный, знакомый с детства.

Лениво повернув голову, человек нашел взглядом на стене деревянный диск размером с ладонь, покрытый спиральным узором. Холеная рука не спеша сдвинула диск. За ним открылось черное отверстие. Приподнявшись, хозяин комнаты приблизил лицо к отверстию и громко, четко произнес:

– Пусть ко мне придет Шайса. Сейчас же.

Вернув на место диск, он опустился в кресло. Была в этом человеке ленца, легкое отвращение к любому движению, которое приходилось делать. Его длинное тело казалось бескостным. Но любой, кто посмел бы взять его под руку, удивился бы, почувствовав под нежной тканью рубашки железные мышцы.

Человек знал, что слова его прозвучали по всему замку. И повсюду на миг замерли над работой невольники, хотя страшный голос звал не их. Но тут же вновь принялись за дело – еще проворнее, еще усерднее.

Много было в Великом Грайане господ, чьи рабы трепетали при мысли о хозяйском гневе. Но, пожалуй, ни один из них – и свирепо-жестоких, и расчетливо-беспощадных, и просто скупых, изнуряющих прислугу голодом и непосильной работой, – не мог сравниться в умении наводить на слуг страх с человеком, что сидел сейчас перед зеркалом. Потому что стояла за этим человеком сила – беспощадная, ледяная, непроглядно-черная, как вода на дне пропасти.

Но исходящая от него угроза, как хитрый старый зверь, редко выползала из своей берлоги – из древнего замка, затерянного в непролазных дебрях Недоброго леса.

Спроси в Грайане любого Сына Клана, кто такой Джилинер Холодный Блеск. Высокородный господин пороется в памяти и ответит неуверенно:

«Есть такой в Клане Ворона… в Ветви Черного Пера. Живет отшельником, в столицу не выбирается… кажется, последний в своей Ветви… Да не помню я, узнай у кого-нибудь из Воронов!»

Вот и все. Даже лес Недобрым назван не из-за темной славы замка, а из-за того, что лет двести назад там разбойники пошаливали, да теперь и они почти что все вывелись.

И мало кто знает, что живет в этом замке маг, равного которому нет ни в Грайане, ни в Силуране, ни в Наррабане… вот за Ксуранг поручиться нельзя, да за земли дальние, новооткрытые, за морями лежащие…

Джилинер надменно улыбнулся своему изображению, провел пальцами по массивной резной раме.

Хорошее зеркало! Не отшлифованная серебряная пластина, какими пользовались в старину и какие по сей день украшают большинство богатых домов. Нет, дорогое, стеклянное, покрытое составом, секрет которого пуще жизни своей хранят ремесленники Ваасмира.

Странная доля выпала этому зеркалу. Никогда ни одна женщина не поправляла перед ним кружева у лифа, не возвращала в прическу выбившуюся прядь волос, спокойно-оценивающим взглядом измеряя свою красоту. Никогда не вплывали в него краешком поцелуи и объятия в глубине комнаты, никогда не прыгали перед ним детишки, стараясь скорчить рожицу посмешнее и счастливо визжа…

Зато видело оно много такого, чего обычно зеркалам отражать не приходится: бушующие морские волны, сходящиеся в сражении корабли, тайные переговоры королей, убийства из-за угла, казни на площадях, битвы среди зеленых холмов, пытки в темных казематах… А еще показывало зеркало много вещей и событий столь страшных и непонятных, что, будь у него душа, съежилась бы эта душа от ужаса, легкими бликами затрепетала бы на светлой поверхности стекла.

А сейчас прикидывалось оно обычным зеркалом и благонравно отражало впалые щеки, широко поставленные светлые глаза, прямой нос, поднятую к виску руку с агатовым перстнем, бархатный камзол, черный с белой вышивкой…

Скрипнула дверь. Джилинер не обернулся, не оторвал глаз от зеркальной глуби, где возник низенький человечек в холщовых штанах и рубахе с небрежно завязанным воротом. Засученные по локоть рукава открывали руки – длинные, тощие, перевитые тугими веревками жил, с узловатыми пальцами. Страшные руки. Люди невольно отводили от них взгляд.

В остальном же вошедший был весьма невзрачным человечком, белесым, как комок паутины.

Тщательно прикрыв за собой дверь, прошел он через комнату и опустился на колени перед хозяином.

– Господин приказал мне явиться…

Если в первый миг знакомства людям казалось, что прозвище Шайса – Змея – совсем не подходит коротышке, то с первым же его словом их недоумение исчезало. У человечка было что-то неладно с горлом, слова стелились по полу и с шипением расползались по темным углам.

Джилинер отвел взгляд от зеркала.

– Встань. Будешь вести записи… Нет, пергамент не трогай, бумагу тоже. Ты в спешке сажаешь много ошибок. Возьми восковую дощечку, потом не спеша перепишешь.

Шайса возился у полки с письменными принадлежностями. Хозяин настороженно смотрел ему в спину: Ворону показалось, что взгляд слуги был ускользающим, смущенным, не было в нем привычной ясности.

Шайса положил на резной столик навощенную деревянную дощечку, острую палочку, подвинул низкий табурет так, чтобы видеть и хозяина, и зеркало.

– Подожди, – мягко остановил его Джилинер. – Сначала хочу убедиться, что ты предан мне по-прежнему. Недоверие – это сорняк, который надо выпалывать сразу, иначе он пустит длинные и прочные корни.

Наемник коротким тревожным движением обернулся к хозяину, хотел что-то сказать, но передумал, плотно стиснул губы и, подойдя к креслу, вновь опустился на колени.

Джилинер приложил ладони к его вискам и прикрыл глаза. Зажмурился и Шайса, резко побледнев и опершись ладонями о ковер, чтобы не рухнуть на пол. Испытание верности было мучительным и для хозяина, и для его слуги.

Ворон крепко закусил губу, когда в его сознание хлынуло то, что скопилось в темной и грязной душе Шайсы.

К своему огромному сожалению, маг не умел читать чужие мысли, хотя этим даром обладал Первый Ворон, его предок. Зато Джилинер безошибочно воспринимал эмоции собеседника, а иногда и улавливал возникающие в чужом сознании образы.

Вот и сейчас… Утомленно откинувшись на спинку кресла, Ворон с брезгливым сочувствием взглянул на покрытое бисеринками пота, искаженное гримасой лицо слуги.

– Что, опять? – негромко спросил он.

Шайса открыл глаза и облегченно, со свистом вздохнул. Пытка кончилась. Осталось лишь легкое чувство вины перед хозяином, которого доверенный слуга боялся куда меньше, чем все другие обитатели замка.

– Пусть господин простит меня. Конечно, я заплачу за эту девку. Или куплю вместо нее другую рабыню.

– Дело не в ней, Шайса. Ведь это будет продолжаться и дальше…

– Я… я сдерживался как мог, господин. У меня не было женщины с конца Хмурого месяца.

– Да? Про ту, осеннюю, ты мне не рассказывал.

– Не хотел отвлекать хозяина своими мелкими заботами, ведь Ворон тогда создавал Малый Шар. Разве стал бы он слушать про какую-то бродячую певичку, что забрела в замок?

– Ты прав, я тебя и на глаза бы тогда не допустил. Значит, вчерашняя рабыня уже… шестая, да?

– Седьмая, господин… И за что мне такое наказание? – В сиплом голосе слышалась неподдельная боль. – Почему я, именно я, из всех мужчин на свете, приглянулся Хозяйке Зла? Почему она так хочет спать со мной? Ведь я не лучше других, а вот поди ж ты… Преследует меня, в разных обличьях предстает, подлая такая! А вчерашняя рабыня… я ж ее каждый день на кухне видел! Думаю, девка как девка… ну, взял ее в постель. Сначала-то все хорошо было, а потом гляжу – лежит подо мной Серая Старуха, беззубым ртом ухмыляется! Опять, гадина, провела меня! От злобы глаза кровью заволокло, стиснул я ее горло…

Шайса замолчал, свистящими толчками вдыхая и выдыхая воздух.

Хозяин наклонился к нему, испытывая жалость и искреннее желание помочь – а эти чувства были в душе Ворона случайными и редкими гостями.

– Шайса, змей ты мой ручной… ты же болен, понимаешь? И воздержание не идет тебе на пользу. Чем дольше живешь без женщины, тем сильнее в тебе болезнь. Однажды не выдержишь, снова свернешь шею безобидной девке, приняв ее за Тысячеликую. Послушай меня, возьми себе послушную и ласковую бабенку.

Шайса яростно замотал головой и оскалился.

– Нет, господин! Хозяйка Зла – она коварная. Опять меня обманет… Я уж лучше совсем без баб.

– Ну, как хочешь, – бросил Джилинер привычно скучающим голосом. Мимолетный проблеск доброты умер, в сердце Ворона вернулось презрительное равнодушие ко всему, что не связано было с магией и с его собственными великими планами. – Ты все приготовил для записи?

– Да, господин, – откликнулся Шайса тоном ребенка, прощенного за шалость.

– Принеси Большой Шар. Покрывало не снимай, я сам…

Перед хозяином встал серебряный треножник, накрытый тяжелой черной тканью. Ворон снял ткань бережно и нежно, словно одеяло со спящей возлюбленной, – и комната озарилась серебряным блеском.

Свет сочился из большого, с человеческую голову, стеклянного шара. Мерцание колыхалось и переливалось, то угасая, то ярко вспыхивая.

Джилинер положил руки на шар – и сияние померкло, словно ладони мага впитали в себя свет. Шар стал мутно-сиреневым, точно наполненным густой жидкостью.

Поверх шара Ворон взглянул в зеркало, с которого таинственная сила уже смывала изображение комнаты, освещенной свечами, водяных часов, резного столика… Последними исчезли, утонули в зеркальной глуби два сосредоточенных лица с жесткими глазами.

– Записывай: деревня на берегу Моря Туманов… Нет, зачеркни «деревня». Пиши «временная рыбачья стоянка». Они там летом живут, некоторые с семьями, а на зиму в село перебираются… Называется – Старый Невод. Шесть домов, один общий сарай… Успеваешь записывать? Мужчины ушли в ночь на промысел – какие-то острова, это не важно, не пиши. Осталось восемь человек: три женщины, старик, четверо детей разного возраста…

В зеркале вставали из светло-серой пелены крыши домов, окруженных деревьями.

– Туман, – озабоченно просипел Шайса. – Может, подождем, пока солнце встанет? А то не увидим ничего…

Джилинер помедлил, вглядываясь в изображение, затем с облегчением ответил:

– Ветер размечет туман. Видишь, как ходят вершины деревьев! А ждать не хотелось бы. Я его уже веду…

Теперь Ворон говорил чуть напряженно, как человек, который несет тяжелый груз – впрочем, груз для него вполне посильный.

– Пиши: Подгорная Жаба, самец, молодой, здоровый. Приказ уловил сразу, слушается прекрасно. Впервые у меня так удачно получается с новой тварью. С Черными Прыгунами как пришлось помучиться, помнишь?.. О, смотри, туман расходится! И так рано светает…

Теперь седая пелена держалась лишь над самой водой озера, которое за гигантские размеры называли морем.

В одном из домов отворилась дверь. Две женщины шагнули на росистую траву и направились меж деревьями к берегу, держа за концы палку, на которую были нанизаны за дужки три деревянных ведра. На пороге появился старик, что-то крикнул им вслед.

– А почему ничего не слышно? – удивился Шайса.

– Мне трудно одновременно держать картину деревни и вести Подгорную Жабу, поэтому о звуках я решил не беспокоиться… А что? Думаешь, там говорят о чем-нибудь важном?

– Да вряд ли… это я так спросил…

Молодая женщина, цепляясь за ветви прибрежной ракиты, спустилась по крутому, почти в человеческий рост, берегу к воде. Пожилая, зябко закутавшись в платок, приготовилась подать ей ведро.

– Я только что повидал Айрунги, – не отрываясь от зеркала, сказал Джилинер. – Он времени зря не теряет. Так и бурлит от великих планов. Уже переговорил с королем.

– Не нравится мне этот Айрунги, – откликнулся Шайса. – На словах молодец, а до дела дойдет – струсит.

– Ну, почему же? Малый Шар он украл у меня весьма решительно. Трясся от ужаса, но украл. Очень, очень предприимчивый человек.

– Украсть сумел, – признал Шайса, – а твердости настоящей в нем нет. Шумит про великие войны, а своими руками и котенка не утопит. – Шайса с удовлетворением бросил взгляд на собственные чудовищные руки.

– Не преувеличивай. Ему нравится эта мысль – использовать в битвах Подгорных Людоедов.

– Мысль-то нравится. А показать ему человека, которому Подгорный Людоед выдирает клыками горло, так наш колдун в обморок брякнется!

Слово «колдун» было произнесено с непередаваемым презрением.

Женщина тем временем наполнила и передала наверх ведро и теперь осторожно, чтобы не зачерпнуть прибрежную муть, погружала в воду второе.

Из лачуги выскочил мальчишка лет десяти, босой, в холщовых штанах с развязанным поясом. Ежась от утреннего холода, он отошел от дома, помочился в кусты и затянул пояс. Затем огляделся, заметил женщин и стал по-разбойничьи к ним подкрадываться.

– Может быть, ты и прав, – протянул Джилинер, глядя на вершины деревьев, клонящиеся под ветром. – Но от Айрунги великих свершений и не требуется. Пошумит, погрозит странам и народам, объявит себя владыкой Подгорного Мира, посулит кровавые ужасы тем, кто не подчинится его власти…

– Ну, представления устраивать он мастер… Я не говорил господину – он же из семьи бродячих циркачей, Айрунги этот, сам в юности фокусником был…

– Да? – озабоченно откликнулся Ворон. – Это плохо. Нельзя, чтобы об этом стало известно. Может, уничтожить тех, кто знал его в юности? Айрунги Журавлиный Крик должен остаться в веках фигурой загадочной и жуткой. Таинственное происхождение… бесчеловечные деяния… весь мир возрадуется, когда я сокрушу это чудовище!..

Мальчишка, вынырнув из прибрежных кустов, тряхнул тяжелую от росы ветку ракиты над склонившейся молодой женщиной. Та резко выпрямилась, чуть не уронив ведро. Наверное, завизжала, когда холодная влага щедро брызнула ей на шею и плечи.

Мужчины в комнате перебрасывались короткими фразами, стараясь скрыть нарастающее напряжение. Ладони мага казались черными на сиреневом фоне шара.

– Скоро ли, господин?

– Уже в озере. Порог между Мирами прошел легко… Сейчас, сейчас… Во-от!

Даже волны в отвращении и ужасе шарахнулись прочь от взметнувшейся над водой громадной плоской хари, похожей на жабью, но гладкой, без бородавок, с выпученными глазищами и широкой, растянутой в вечной жуткой ухмылке пастью, по краям приоткрывавшей кривые клыки.

Тварь рванулась к берегу и выбросила перед собой длинную лапу. Младшая из женщин забилась в беспощадной хватке и осела на мокрую глину у кромки воды. Чудовище, бросив умирающую добычу, бросилось в кусты, круша и ломая ветви.

Ни звука не донеслось сквозь зеркало в комнату, но мужчины кожей, телом почувствовали, как взвился над кустами и оборвался крик мальчишки.

Пожилая женщина бросилась бежать, но споткнулась и упала.

Тварь вскинула круглую плоскую башку и прислушалась. Она походила на жабу размером с корову – но жабу, стоящую на мощных задних лапах. Передние были сложены перед грудью и уже не казались такими длинными. Тяжелый чешуйчатый хвост помогал хищнику удерживать равновесие.

Женщина отчаянно ползла к хижине. Наверное, она кричала.

Монстр задрал голову так, что она откинулась на спину, и распахнул чудовищную пасть. Даже сквозь зеркало до мага и его подручного долетел отголосок хриплого боевого клича Подгорной Жабы. Всюду, куда доносился этот рев, все живое в ужасе спешило забиться в дупла, в норы, уносилось прочь. Древний непобедимый убийца заявил о своем появлении в лесу.

Выпуклые мышцы под бледно-коричневой кожей сократились, ноги мощным прыжком вынесли монстра на поляну. Вторым прыжком он обрушился на несчастную старуху, круша и ломая ей кости. Нелепая и жуткая голова вновь откинулась на спину, второй клич огласил лес – теперь в нем звучало ликование победителя.

– Красавец мой! – растроганно шепнул Джилинер, когда вопль этот пробился сквозь зеркало в комнату.

Ощерив клыки, хищник склонился над жертвой и одним движением вырвал у женщины руку.

– Жрать он тут устроился! – возмутился маг. – Дело не сделано, а он – жрать! А ну, вперед!

Монстр оставил добычу и затряс головой, не понимая, что происходит: чужая воля настойчиво стучалась в тупой мозг животного.

Впрочем, его внимание тут же отвлек выскочивший из хижины старик. В каждой руке человек держал по горящей головне.

– Чего это он? – удивился Шайса. – А-а, от детей уводит. Хочет разозлить и заманить в лес… Смелый!

Может быть, несколько лет назад мужчине и удалась бы его отчаянная попытка, но сейчас старческие мускулы не могли состязаться с великолепной реакцией и силой Подгорной Жабы. Прыжок, лапа вылетела вперед – и отважный старик рухнул с переломленным позвоночником.

Возможно, он умер не сразу и успел увидеть, как за порог выбрался малыш лет пяти. Увидев чудовище, ребенок со всех ножек пустился бежать по поляне. Личико исказилось от плача.

– Был бы постарше – попробовал бы в хижине отсидеться, – сказал Шайса. – А так – конец пискуну.

Монстр не спешил, понимая, что беспомощный детеныш никуда от него не денется. Жабья морда медленно поворачивалась, следя за добычей. Видно было, какая гибкая у твари шея.

И тут из соседней хижины выбежала еще одна женщина. Тяжелое полено, брошенное сильной и меткой рукой, ударило чудовище меж выпуклых глаз. От неожиданности монстр присел на хвост, а затем, развернувшись, прыгнул в сторону обидчицы. Но женщина, молодая и проворная, завертелась меж деревьев, уворачиваясь от длинных цепких лап, подхватила малыша, проскользнула перед самой пастью страшилища, юркнула в дом и захлопнула дверь.

– Ну, баба! – ошарашенно просипел Шайса. – Не баба, а мастер карраджу!

– У нее там двое сопляков, – негромко сказал Джилинер. – Да теперь третий, чужой… Что ж, будем ломать дом.

Переваливаясь на задних лапах, монстр подошел к сосновому срубу и вцепился клыками в бревно.

– Дурак! – гневно крикнул маг. – Дверь! Бей по двери!

– А он не знает, что такое дверь.

– Знает. Я рисую ему образ… Ага, понял!

Дверь содрогнулась под ударом тяжелого хвоста, но выдержала.

– Здесь медведи бродят, поэтому дома крепкие… и окна маленькие, – прицельно оглядел Джилинер рыбачью избу.

– Крыша! – азартно подсказал Шайса.

– А верно! – хмыкнул Ворон.

Монстр взвился в воздух и своей грузной тушей обрушился на крышу, которая беззвучно проломилась под ним. Хищник исчез внутри дома.

Комнату огласил дружный вопль. Мужчины на миг забыли о разнице в положении меж ними. Еще немного – и они бы кинулись хлопать друг друга по плечам.

Джилинер отбросил обычную ленивую невозмутимость, глаза его сверкали.

– Видел? – кричал он. – Видел! Как он прыгнул!

– Сиганул что надо! – восторженно сипел в ответ Шайса. Усилием воли Ворон заставил себя успокоиться и убрать руки с шара.

– Отдохну, он пока сам управится. И пусть поест, заслужил. А потом уведу его, пока мужчины не вернулись.

– А зачем уводить? Пускай порезвится!

– Там девятеро крепких мужиков. Увидят, что он натворил, рассвирепеют. В другой ситуации разбежались бы, а тут… Вдруг захотят отомстить да всей ватагой забьют зверя?

– Подумаешь, беда какая! Он что, последний в Подгорном Мире?

– Все-таки, Шайса, ты глуп. Девять победителей Подгорной Жабы! Как ты думаешь, много им понадобится времени, чтобы вообразить себя героями? И каждый будет врать, что он чуть ли не в одиночку… не ведая страха… И родится из этого вранья девять самостоятельных легенд, друг на дружку не похожих. И бродячие певцы начнут голосить об этих подвигах по всем кабакам Грайана и Силурана… Ну, нет! Народ должен считать Подгорных Тварей непобедимыми. Всех! И Людоедов, и Жаб, и Ежей-Визгунов, и драконов…

Джилинер поднялся и, разминая занемевшие от напряжения мускулы, медленно прошелся по комнате. Шайса провожал его взглядом. Наемнику вспомнилось, каким он видел хозяина в фехтовальном зале. Там этот вялый, с ленивыми движениями человек превращался в опасного бойца – быстрого, сильного, точного… Впрочем, Шайса тут же с удовольствием напомнил себе, что всеми видами оружия – от меча до удавки – сам он владеет лучше хозяина. Так и надо, каждому – свое.

– С драконами у меня хуже всего получается, – задумчиво сказал маг. – Такие непослушные! А они мне просто необходимы. Жабы хороши на открытой местности, но при осаде города от них толку мало. А вот десяток драконов, пикирующих с небес…

– Трудно, небось, стаей управлять? – посочувствовал слуга.

– Трудно научиться приказывать одному. К каждому виду тварей нужен свой подход. А как его нащупаешь – дальше уже не имеет значения, десяток или сотня… Правда, Большой Шар стал слабеть, пора снова напитать его Силой. Придется навестить Подгорный Мир… что, кстати, и мне на пользу пойдет. Отправишься со мной, а?

Шайса промолчал.

Джилинер улыбнулся краешками губ, глядя на позеленевшее лицо слуги. Ворон любил чужой страх – особенно страх действительно смелых людей.

– Шучу, шучу… – Маг вернулся в кресло и положил ладони на шар. – Давай, красавчик, выбирайся из сруба… Я кому сказал, скотина ты наглая, прыгай!.. Запиши, Шайса: сытая Подгорная Жаба слушается хуже. Потому что хочет спать. – Маг подавил зевок. – А из-за этой твари и я спать хочу.

– А в прошлый раз гроза все дело испортила, – озабоченно откликнулся Шайса.

– Да, гроза очень мешает. И сильный ливень… Ага, выпрыгнул, мой хороший! Ну, пойдем к озеру, пойдем…

Вдруг Джилинер замолчал и выпрямился в кресле.

По зеркалу пробежала рябь. Когда она исчезла, маг увидел яростную горную реку. Беззвучный водопад кружил потоки меж большими валунами, взбивал над ними высокую шапку пены. Казалось, сумасшедшая немая вода сейчас плеснет через резную раму прямо на колени чародею.

За спиной шумно вздохнул Шайса.

– Господин… это… это еще что такое?

– Не знаю, – бросил маг, не сводя глаз с зеркала. – Оно зачастую само выбирает, что показать. И ничего не делает зря, поэтому гляди в оба.

Водопад отодвинулся, ушел вниз. С высоты птичьего полета смотрели господин и слуга, как на обрывистом берегу, в зарослях орешника, метались человеческие фигурки.

– Река Бешеная, – определил Джилинер. – Такое течение только у нее да у Дикой…

– Но Дикая поуже будет, – подхватил Шайса. – А что за люди-то?

Зеркало будто услышало его вопрос. Земля придвинулась ближе, мелькнул и исчез бородатый воин с красно-белой перевязью на груди.

– Цвета Клана Орла, – ответил чародей.

– Стало быть, это где-то возле Анмира творится, – прикинул Шайса. – Хранитель Анмира – Сын Клана Орла… Ну, ясно: стража разбойников ловит!

Зеркало тем временем показало одного из тех, кого преследовали стражники. Молодой парень с шапкой растрепанных каштановых волос метался, как заяц, среди кустов. На бегу он скинул кожаную куртку, сбросил перевязь с ножнами, но меч не выронил – и держал его не как что-то чуждое, мешающее бежать, а как привычную вещь, ставшую почти частью тела.

– И чего наше зеркальце к этому щенку привязалось? – сипел голос за спиной мага.

– В стекле – моя волшебная сила, – негромко объяснил Джилинер. – Раз зеркало что-то показывает – не сомневайся: это «что-то» имеет отношение ко мне… Ты когда-нибудь видел этого юношу?

В это мгновение парень вылетел из расступившихся зарослей – и замер на вытянутой над водой голой вершине утеса. Внизу плясала смертельный танец река Бешеная.

Зеркало крупно, во все стекло, показало красивое молодое лицо, искаженное отчаянием. Влажные каштановые волосы сбились над высоким лбом, густые брови были страдальчески сведены.

– Нет, – отказался Шайса от подобного знакомства, – сроду его не видел.

– Я тоже. И тем не менее…

На утес выплеснулась погоня – десяток уставших, обозленных стражников.

Тут же из карих глаз разбойника ушел страх. Юноша легко и привычно вскинул перед собой меч.

Двое преследователей с разбега налетели на парня, как псы на волка. Беззвучная схватка длилась несколько мгновений. Джилинер увидел только, как оба стражника, обливаясь кровью, рухнули к ногам молодого разбойника. Шайса успел разглядеть больше – и тихо зашипел от восторга:

– Мастер, какой мастер!.. Это старый прием, «радуга над лугом»…

Ободренный победой, разбойник ринулся вперед – и оборвал атаку: прямо на него смотрело несколько арбалетов. Тяжелые стрелы готовы были сорваться с тетивы, свистнуть по прицельной канавке и впиться в добычу.

Парень отступил к самому краю утеса и бросил короткий взгляд в хищную реку. Похоже, одного взгляда ему вполне хватило…

– Почему они не стреляют? – поднял бровь Джилинер.

– Правильно делают, – объяснил Шайса. – Мертвого – только на костер, а живого можно продать.

Один из стражников начал что-то примирительно говорить парню.

– Сдаться предлагает, – перевел Шайса, хотя все и так было ясно.

Высокие скулы разбойника напряглись, твердо очерченные губы сжались в злой, презрительной усмешке. Левой рукой он сделал непристойный жест.

Стражник продолжал говорить. Заинтересовавшись, Джилинер положил ладонь на сиреневый шар. В комнату ворвался рев водопада, в который был вплетен рассудительный басок:

– …И мы, приятель, прямо удивляемся: ну чего ты из себя героя корчишь?

– Правда? – перебил его дерзкий звонкий голос. – Ты ожидал, что я закачу глаза и рухну в обморок?

– А мальчик не из крестьян! – удивился Джилинер. – Если судить по его речи…

Стражник начал терять терпение.

– Не зли меня, гаденыш! Мне рукой махнуть – и в твоей шкуре шесть новых дырок будет!

– А что ее беречь, шкуру-то мою? Не соболь, не куница…

– Не дури, – посоветовал стражник, с трудом сдерживаясь. – Молод еще помирать. Сдавайся по-хорошему…

– По-хорошему? – В глазах парня плеснулось горькое отчаяние. – Чтоб на всю жизнь в рудник, под землю? Нет, собака ты гончая, живым ты меня не возьмешь, лучше попробуй себя за ухо укусить…

– Ну все, – тяжело выдохнул стражник. – Шутки кончились. Или клади меч на землю, или стреляем!

Лицо разбойника вдруг стало серьезным, словно он вспомнил что-то важное.

– А раз шутки кончились, – изменившимся голосом сказал он, – попробую сказать кое-что всерьез. Показал мне как-то учитель одну штуку…

Договорить парень не успел.

Шайса охнул. Его зоркие глаза первым заметили расширяющуюся у ног юноши черную змейку трещины.

Крупный обломок скалы с грохотом съехал в водопад. Разбойник извернулся, как кошка, перепрыгнул было на уцелевший край утеса, но под ногой осыпались камни, и юноша, взмахнув руками, сорвался в клокочущую воду. Потрясенные стражники на безопасном расстоянии вытягивали шеи, стараясь заглянуть в кипящую бездну.

– Смелый парень, – уважительно сказал Шайса.

– Смелый дурак, – уточнил Джилинер. – Заработал смерть без погребального костра.

Шайса зябко передернул лопатками.

– Однако, – задумчиво сказал маг, – пора заставить зеркало вспомнить, кто его хозяин.

Он ласково и легко провел пальцами по деревянной раме, приложил ладони к стеклу. Вокруг зеркала вспыхнуло белое сияние. Изображение исчезло, словно стекло залило молоком.

Джилинер повернул к слуге потрясенное лицо:

– Шайса! Змей ты мой ручной! Знаешь, что это было? Будущее! Мы заглянули в будущее!

– То есть… это как? Разве такое бывает?

Джилинер отвел ладони от стекла и заставил себя успокоиться.

– У моего прадеда было зеркало, которое показывало будущее. Перед смертью он это зеркало разбил. И я его понимаю… Но ты видишь, как возросла моя мощь? Много ли на свете осталось такого, что мне не под силу?

– Мастерство господина потрясает меня. Но… если знать все наперед, нельзя ли изменить будущее?

– Шайса, ты смотришь в самую суть. Прадед утверждал, что можно. Но ему самому это ни разу не удалось.

– А этот разбойник… Почему зеркало показало нам его смерть?

– Хотел бы я это знать… То, что мы увидели, произойдет где-то… где-то в начале Звездопадного месяца.

– Меньше чем через два месяца, – прикинул Шайса. – Может, мне найти это место, отбить парня у стражи и дознаться, с чего он так понравился нашей стекляшке?

Ворон немного подумал.

– Пожалуй, не стоит. У нас большие планы и мало времени. Конечно, любопытно было бы узнать, как судьба этого мальчишки связана с моей судьбой… – Тонкие губы тронула усмешка. – Может быть, этот щенок – мой незаконный сын? И зеркало решило, что я ринусь его спасать?

Шайса фыркнул при мысли, что кто-то – хотя бы и безмозглое стекло – может заподозрить его хозяина в подобной чувствительности.

– Нет, – принял решение Джилинер. – Все равно мальчишка погибнет, не успев ни помочь, ни помешать мне. Мы не можем ставить под угрозу великие замыслы, пытаясь изме-

нить будущее ради сомнительной цели. – Узкая кисть сделала небрежный жест, словно смахнула на пол что-то нестоящее. – Кем бы ни был этот парень – о нем можно забыть.

У Шайсы было на этот счет свое мнение, но он не посмел его высказать.

5

Колокол на Драконьей башне королевского дворца гулко ударил три раза. Третий светлый звон – полдень.

Тайверан, столица Великого Грайана, жил привычной жизнью, чопорной и размеренной.

Впрочем, в эти дни столица слегка изменила обычной своей степенности и солидности. Цветущий месяц веселым завоевателем ворвался в тесные, кривые улочки и тут же посрывал с горожан теплые плащи. Солнце высушило последние лужи и разлилось по плоским крышам домов, где в деревянных ящиках рвались вверх перья лука, курчавилась морковь, весело вилась вокруг высоких палочек фасоль. Хозяйки с удовольствием отложили домашние дела, которые все равно до конца никогда не переделаешь, и выбрались наверх (якобы для того, чтобы прополоть и полить рассаду, а на самом деле – позубоскалить и посплетничать, перекликаясь от крыши к крыше).

Даже у старух в эти дни голоса помолодели и летели над городом, как птичий щебет. И веселым чириканьем отвечали им стайки ребятишек, снующих по всем улочкам и залезающих в каждую щель.

Пританцовывая, весна шла по Тайверану – но робко обошла стороной ворота, преграждающие путь к большому каменному дому, что грозной крепостью встал на одной из улиц, выходящих к дворцовой площади.

Казалось, мрачная зима еще простирает над этим домом свою руку. Ни один лучик не смог бы пробиться в окна, наглухо как в Лютом месяце, закрытые ставнями. На каждом из этих тяжелых дубовых щитов был вырезан сокол со сложенными крыльями.

Никто с улицы не видел ослепшие окна – высокий забор укрывал дом от любопытных взглядов. Но редкие прохожие, боязливо ускорявшие шаг, и так знали о траурных ставнях.

Ни один торговец с лотком не смел заорать здесь, нахваливая свой товар. И не только потому, что на улицах, ведущих к дворцовой площади, разносчикам торговать было запрещено (запрет этот часто нарушался), а потому, что сегодня на барыши тут рассчитывать не приходилось.

И бродячие певцы не затягивали здесь баллад о героях Огненных Времен в надежде получить пару медяков (если не за песню, так хотя бы за то, чтоб певец заткнулся и убрался прочь). В любой миг в доме могли начаться события пострашнее тех, о которых сложены баллады.

И не крутились у ворот нищие, которых обычно здесь было что комаров на болоте, поскольку Мудрейший Клана Сокола славился щедростью. Даже у нищих не хватило наглости сунуться туда, куда властно вошла смерть – причем смерть неотомщенная, кричащая о крови, стали и огне…

Двое стражников, препоясанных зелено-красными кушаками, тоже не собирались задерживаться у ворот, над которыми была прибита громадная еловая лапа (хотя десятник строго-настрого приказал почаще наведываться именно к этому дому и быть при этом настороже).

– Лишь бы при нас заварушка не началась, – опасливо бормотнул один.

А второй хмыкнул:

– Клянусь патлами Серой Старухи, не хотел бы я сейчас быть на месте здешнего хозяина!

И если бы Мудрейший Клана Сокола слышал эти слова, он бы хмуро усмехнулся. Все правильно. Его место было сейчас не из уютных.

* * *

Худой, с глубоко запавшими глазами старик в тяжелой, шитой золотом одежде тронул высохшими пальцами приколотую на груди маленькую еловую веточку, поправил на лбу серебряный обруч с чеканным изображением сокола, удобно устроил руки на резных подлокотниках кресла, вздохнул и тяжело взглянул на людей, ожидавших его слова.

Четверо крепких, рослых мужчин угрюмо стояли перед ним. Они были одеты в бархат и шелк, на камзоле у каждого была вышита оскаленная волчья морда. Прямая осанка, спокойные, отрешенные лица… а ведь эти люди знали, что могут больше никогда не увидеть дневного света!

Пятый опустился перед креслом на колени. Голова низко склонилась, скрещенные в запястьях руки были вскинуты ко лбу, длинные волосы скрыли лицо. Эта унизительная поза раба совсем не подходила сильному, плечистому, едва начавшему седеть человеку в дорогом плаще, скрепленном на плече застежкой в виде волчьей пасти.

– Говори, Волк! – сдержанно разрешил старец. – Я, Даугур Глубокое Озеро из Клана Сокола, Ветвь Клюва, слушаю тебя.

В ответ зазвучал хриплый голос, с усилием выговаривающий каждое слово:

– Я, Каррао Смертоносный Ураган из Клана Волка, Ветвь Серой Лапы, молю тебя: не дай вспыхнуть смертной вражде! Да, по вине одного из наших погиб Сокол, и погиб не в честном поединке. Но ты же знаешь, Мудрейший, как было дело! Санльен Ясный Луч – пятнадцатилетний мальчик, впервые оказавшийся один в пути, да еще ночью! Любой придорожный куст казался ему разбойником! Волей Хозяйки Зла он принял случайного путника за грабителя – и от страха нанес удар первым… Я знаю, Клан Сокола может взять жизнь за жизнь. Тогда мы вынуждены будем ответить… польются реки благородной крови… Вспомни, что произошло некогда между Вепрями и Орлами! А ведь мы живем не в Огненные Времена, наши законы начертаны железом и кровью. Король не потерпит резни в Кланах, он обрушится на нас, не щадя ни правых, ни виноватых…

Каррао продолжал говорить, но Мудрейший уже не слушал его, обводя тоскливым взглядом комнату, освещенную коптящими факелами. Вдоль стен стояли воины с каменными лицами, их арбалеты были направлены на Волков…

На Волков? Ну нет! Даугур до боли почувствовал, как глядит ему в сердце стрела. Он тоже сейчас на прицеле! Какое бы решение он ни принял – ему не сохранить на голове обруч Мудрейшего. Объявить кровную месть? В глазах короля он будет виновником бойни, которую учинят Соколы. Примириться с Волками? Его не поддержит собственный Клан. Все скажут «Даугур выжил из ума, подарил Волкам жизнь родного внука! Может ли старикашка, равнодушный к жизни и чести своих родичей, быть Главой Клана?»

О, какая же это шаткая лестница – власть! Как трудно удержаться на верхних ступеньках, что раскачиваются и пляшут под ногами!

Совершить преступление против короля – или против своего Клана? Приятный выбор!

И все же в первую очередь он – Сокол. Он не имеет права делать Волкам такие подарки.

Стоп… Почему – «подарки»? Почему не заключить сделку, приемлемую как для Волков, так и для Соколов? Уж тогда он, Даугур, сумеет заткнуть рты недовольным!

Лицо старика на миг просветлело.

– Довольно. Не продолжай, Волк. Я принял решение.

Проситель тут же замолчал и легко поднялся на ноги. Раз Глава Соколов говорит, что принял решение, значит, изменить уже ничего нельзя, а Каррао не собирался унижаться больше, чем это было необходимо.

Даугур не без зависти взглянул на ладную, крепкую фигуру Волчьего Вожака. «А ведь мы однолетки! Конечно, это говорит в нем кровь Магов… жаль, не всем нам достается в наследство дар долгой молодости. Говорят, Каррао – такой грозный воин, что даже старость боится приблизиться к нему. Глупо делать этого человека своим врагом».

– Подать стул Главе Волков! – возвысил он голос.

Из полумрака возник слуга с низким деревянным стулом. Каррао сел, взглядом поблагодарив за разговор на равных. Четверо его родичей быстро переглянулись, оценив благоприятный знак.

– Все, что ты сказал, правда, – вздохнул Даугур. – И законы крепки, и власть короля сильна… и ваш Санльен – сопливый мальчишка. Он хотя бы понимает, что натворил?

– Казнит себя, покоя не находит!

– Поделом… Не забывайте, Волки, кого лишился наш Клан. Шайшер Быстрое Крыло был отважным воином, отцом маленькой дочери и… и моим внуком. Что ж, мы возьмем за него выкуп – и выкуп дорогой!

– Скажи – сколько, а золото мы достанем! – отозвался повеселевший Каррао.

Даугур усмехнулся, вспомнив слухи о том, что Волки не расстались со старой, идущей из Огненных Времен привычкой разбойничать на ночных дорогах.

– То, что мы возьмем за жизнь Шайшера, будет стоить дороже, чем все золото, которое вы могли бы наскрести в своих лесных замках… – Сокол помолчал немного. – Скажи, Волчий Вожак, ты слышал о нашем позоре, нашем мучении… об этом молодом негодяе, что каждый день, с утра и до вечера, порочит доброе имя Клана развратом и жестокостью?

– Ты говоришь, Мудрейший, о Ралидже Разящем Взоре из Ветви Левого Крыла, – с легким недоумением отозвался Каррао. – Я уверен в этом, потому что больше ни об одном молодом Соколе я не слышал ничего дурного.

– Спасибо за попытку утешения… Этот мерзавец – проклятие моей старости. В моем доме его стыдится даже дверь! Я долго не хотел верить отвратительным слухам. Говорили, что он способен потехи ради замучить человека, что устраивает для всякого сброда многодневные пьянки, на которые его слуги силой затаскивают девушек. Я думал… заставлял себя думать, что речь идет о простых, хотя и буйных, забавах молодости. А что не любил я этого наглого щеголя – ну, мало ли кого я не люблю! Но последний случай… это невозможно! Наш подлец изнасиловал девушку из Рода. Не из Семейства, не из Отребья – из Рода! Я надеялся, что Ралидж как-то оправдается, объяснит эту ужасную историю… Знаешь, что он сказал мне? Повторяю слово в слово: «А если она из знати, почему ходит по улицам без слуг?»

– Вот тварь… Это же может дойти до короля!

– Уже дошло… Волк, ты только что стоял передо мной на коленях. Вот так и я два дня назад ползал перед Джангиларом, умолял пощадить этого гаденыша, которого мне бы лучше удавить своими руками! Конечно, король замял скандал, уладил все с Родом девушки… Ты слышал последний указ?

– Нет еще… не до того было.

– Джангилар послал нашу радость в Лунные горы – Хранителем маленькой крепости. А негласно запретил возвращаться в Тайверан и вообще высовываться из своей глухомани… Вот змееныш себя покажет без присмотра старших! Воля, власть… что хочешь, то и вытворяй!

– Прости, Мудрейший, ты сказал – в Лунных горах? Но это же на границе с Силураном?

– Ничего. Нуртор ведет себя тихо. А если начнутся неприятности, то не в горах же!

– Да, верно… Значит – почетная ссылка?

– Нельзя же с потомком Первого Сокола расправиться как с преступником из Отребья… Но горе не в этом, Волк! Наш негодяй – последний в своей Ветви! Кроме него, в Левом Крыле остался лишь двоюродный дед Ралиджа. Увы, Безликие не послали ему дара долгой

молодости. Если Ралидж во время какого-нибудь шального похождения свернет себе шею – Ветвь оборвется.

Каррао сочувственно цокнул языком. Оборвавшаяся Ветвь – трагедия для всего Грайана. Даже в неистовые Огненные Времена, когда Сыновья Кланов в безумной сваре истребляли друг друга, известие о смерти последнего в Ветви заставляло враждующих на время опомниться. Бывшие враги закрывали ставнями окна своих домов, прикалывали к одежде еловые веточки и печалились о том, что исчезла еще одна нить, соединяющая их с Двенадцатью Великими…

Каррао стряхнул невеселые мысли и от души посоветовал:

– Так женить его скорее! Пойдут дети – укрепится Ветвь. А наследники могут вырасти хорошими Сыновьями Клана, если их с детства воспитывать как следует.

– Полгода ищу для него невесту. Дурная слава обгоняет Ралиджа на три полета стрелы. Вот ты, Волчий Вожак, отдал бы за такого внучку?.. Молчишь? Мы уже согласны на хорошую девушку из достойного Рода… намекнули даже одному почтенному отцу. Представь себе, он сделал вид, что не понял нас!

– А эта… которую изнасиловал Ралидж… может быть, она?..

– С ее родителями говорил король, обещал девушке хорошее приданое. Но ее отец поклялся, что скорее убьет дочь своими руками, чем навсегда отдаст негодяю.

Каррао вновь цокнул языком – на этот раз неодобрительно.

– Да, иные Роды в гордости не уступают Кланам. Я так полагаю, очень уж они занеслись…

– Это верно… Однако вернемся к нашим бедам. Ты, наверное, уже понял, чего я от тебя потребую.

Каррао закусил губу и шевельнул носком сапога разбросанную по полу хвою.

Глава Клана Сокола возвысил голос:

– Это мое последнее слово, Волки. Я согласен взять жизнь за жизнь, человека за человека. Нам нужна Волчица, достаточно молодая и здоровая, чтобы рожать сыновей. Красота не так уж важна. Лишь бы подарила Ветви Левого Крыла наследника, а там пусть Ралиджа хоть Подгорные Твари сожрут, я и слезинки не оброню. Если ты найдешь такую девушку, я объявлю в своем Клане, что мой внук погиб в честном поединке, и волей Мудрейшего запрещу месть. Если откажешься – пусть говорят мечи и стрелы.

Каррао приподнял ладонь. Повинуясь этому жесту, Волки обступили своего вожака и начали что-то тихо обсуждать. Наконец Мудрейший опустил ладонь. Волки тут же замолкли и почтительно отошли в сторону.

И вновь Даугур почувствовал укол зависти, на этот раз при виде послушания и сдержанности молодых Волков. «Мои Соколы, – подумал он с досадой, – начали бы орать друг на друга, доказывая свою правоту, мне пришлось бы на них рявкнуть…»

Каррао помолчал, размышляя, затем медленно произнес:

– Арлина Золотой Цветок из Ветви Логова. Она осиротела, не получив наследства. Ей девятнадцать лет. Насколько мне известно, она вполне здорова и хороша собой.

– Но согласится ли она? Дочь Клана – не рабыня…

– Я все ей объясню. Она истинная Дочь Клана и, безусловно, согласится. Но как быть со Сроком Помолвки? Невеста должна не меньше месяца прожить с женихом под одной крышей. А ведь ему скоро в путь…

– Не так уж и скоро. Ралидж тянет с отъездом – ссылается на нездоровье, но я думаю, у него в столице остались какие-то делишки… Словом, он думает быть в Лунных горах в начале Звездопадного месяца. Девушка может поехать вместе с ним.

– Ну уж нет! Он не прислужницу в дом везет! Волчица прибудет в крепость сама, как и подобает высокородной госпоже. Я дам ей охрану… В начале Звездопадного месяца? Ладно,

так тому и быть. Завтра же выезжаю в Барсучий Дол, где девушка живет в замке своего дяди. Поговорю с родственниками, соберем невесту в дорогу… – Помолчав, Каррао добавил неохотно: – Клан мог бы дать ей небольшое приданое…

– Незачем, – великодушно отозвался Даугур. – Еще и приданое ему, ублюдку! Он ее и так с радостью возьмет, пусть у меня только попробует не взять!

Главы Кланов без смущения глядели друг другу в глаза. Двое Мудрейших порядком подзабыли, что значат слова «совесть» и «жалость», зато слова «благо Клана» звучали для них громче молитвы и повелительнее боевых рогов.

Оба Вожака одновременно поднялись на ноги. Самый юный из Волков сунул в руку Каррао серебряный обруч с изображением волчьей морды. Мудрейший возложил его себе на голову в знак того, что он больше не проситель.

– Задержитесь, Волки, вы – мои гости, – радушно сказал Даугур. – Сейчас нам подадут вина. И, во имя Безымянных, пусть уберут наконец эти проклятые арбалеты!

6

Вей-о-о! И зачем, спрашивается, Безымянные сотворили эти дебри? Кому нужна дурная каша из стволов, листвы, коряг, валунов, обломков скал, веток, противно хлещущих по спине… Ладно, по спине – пусть, все равно спина такая, что черепаха от зависти сдохнет. Рубец на рубце, не то что ветка – плеть не возьмет… Но ведь эта зеленая дрянь и в глаза лезть норовит!

О Хозяйка Зла, куда же затащила его проклятая река? Далеко ли позади осталась погоня?

В ушах еще гремит водопад, перед глазами вертится бешеная пена. Не выплыть бы, ни за что не выплыть, если бы не ствол дерева, игрушкой плясавший в неистовой воде. Какое счастье, что рука не соскользнула с сука, надежно сомкнулась на мертвой ветке… Ох и лупило его по камням! Никогда в жизни ему так не доставалось… впрочем, нет: один-то раз пришлось побывать и в худшей передряге…

Но и сейчас ему весьма неплохо. Избитое тело пытается взбунтоваться, изрезанные в кровь босые ноги не согласны брести по острым камням, а в животе бултыхается столько воды, что хватило бы на небольшое лесное озерко. При каждом резком движении вода рвется наружу так бурно, словно до сих пор остается частью водопада.

А холодно-то как! Сапоги пришлось сбросить – тянули ко дну. Штаны уплыли по течению вместе со спасительным бревном – не удалось отцепить их от настырной ветки. А жалкие клочья рубахи наотрез отказались держаться на плечах и потому остались на берегу…

Подкошенный сильным головокружением, молодой бродяга опустился на четвереньки и помотал головой.

Перед глазами плавали разноцветные пятна. Вставать на ноги не хотелось. Жить тоже не хотелось.

И тут подоспела помощь из прошлого: вспомнились бесконечные, мучительные часы обучения карраджу – искусству владеть мечом. Тогда тоже невыносимо ныли мускулы, жгло легкие, и только железная воля – учителя, а не своя собственная – приказывала двигаться дальше.

Это было так свежо в памяти! Но Аунка рядом уже не будет никогда. Пришлось самому скомандовать себе: «А ну, Орешек, вставай! Вперед!»

С коротким стоном измученный человек выпрямился, тряхнул мокрыми каштановыми волосами и зашагал по мшистым валунам. Не сразу Орешек поймал себя на том, что не просто тащится вперед, но еще и делает на ходу заученные некогда движения – руками, плечами, шеей… Тело само, без приказа, вспомнило уроки Аунка! Это было тяжело, зато кровь быстрее побежала по жилам, ровное тепло пришло на смену ознобу, а вскоре притупилась боль в мышцах, умолк гул в ушах, прояснились мысли…

Ну и рожи, наверное, были у стражников! Решили скорее всего, что он героически прыгнул в водопад, лишь бы не попасть к ним в лапы. Скоро в тавернах Анмира начнет сплетаться легенда об отважном разбойнике, что предпочел смерть плену.

И никто не узнает правды о недотепе, у которого над обрывом из-под ног посыпались камни. И который сумел выбраться из воды, поскольку кое-что не тонет.

Знать бы, как там его дружки? Погибли? Схвачены?.. А-а, ладно, дружки – не друзья! Вот Аунка жаль, но ему уже ничем не поможешь.

Важнее сообразить, куда его занесло потоком. Может быть, ночью, по звездам… впрочем, нет, плохо разбирается он в звездах. Хотя и учили дурака…

От этой мысли на миг стало теплее. Когда-то о нем заботились, его учили…

Поеживаясь, беглец огляделся. Мысль о ночлеге под открытым небом была неприятной и пугающей. В разбойничьей ватаге Орешек знавал людей, для которых лес был живым, добрым и уютным, как обжитой дом. Для него же это нагромождение незнакомых деревьев, трав и кустов было лишь декорацией – причем декорацией пьесы, играть в которой ему совсем не хотелось. Ну не знает он этой роли, и все! Однако выбора нет: спектакль идет, актер уже на сцене, из зрительного зала без особого интереса глядят боги. Прикидывают со скуки: выживет ли в дремучей чаще герой пьесы, этот безнадежный горожанин?..

Да, горожанин! И он не намерен провести остаток дней своих в этом мерзком месте!

Можно, конечно, построить здесь хижину (кстати, как это делается?), собирать себе в пищу травы и коренья (кстати, как отличить съедобные от всякой ядовитой погани?), ловить силками птиц и зайцев (а это уж и вовсе дело немыслимое, скорее какая-нибудь зверюга его самого изловит)…

Но даже если поднапрячь воображение… Вот сидит он у порога этой самой хижины, благостный, как раскормленная свинья, грызет какой-то стебелек и умиленно слушает птичек. Сегодня, завтра, всю жизнь…

Вей-о-о! Ну уж нет! Он культурный человек! Начитанный! Городской! Он к людям хочет!

Хотя люди скорее всего наденут на него ошейник, а также устроят множество других крупных и мелких неприятностей…

Орешек остановился. Губы тронула невеселая усмешка.

«Что ж, приятель, раз ты такое стадное животное – думай, как отсюда выбраться! Нука, вспомни, куда впадает река Бешеная, с которой ты только что обнимался? Пра-авильно, в Море Туманов, которое по сути своей не море, а гигантское пресноводное озеро, как о том сообщает в „Описаниях земель“ мудрый Алзур Полевой Кузнечик из не-помню-какого-Рода. По пути река проходит сквозь Черную Пустошь… нет, Пустошь должна остаться позади, а это должно быть… Вей-о! Это Лунные горы! Дебри, дикость, зверье со скверными манерами и… и Подгорные Твари. Самые разные. Ох и любит же меня Хозяйка Зла, любит, стерва старая!»

Сначала Орешек пытался брести берегом, рассчитывая рано или поздно добраться до Моря Туманов и отыскать рыбачью деревушку. Но путь то и дело преграждали скалы, рухнувшие деревья, непролазный кустарник, коряги жуткого вида. И все это надо было обходить. Река пропала из виду и ревела где-то вдали. А вскоре бродяга заметил, что этот окаянный ландшафт нависает над ним слева и справа, и сделал справедливое заключение, что попал в ущелье. Спрашивается, зачем он туда залез? Вот уж истинно говорят: «Боги ведут, а Хозяйка Зла водит».

Вечерело. Небо затягивали скверного вида облака. Только бы не хлынул ливень! Чего-чего, а воды ему на сегодня хватит!

Орешек вспомнил, как карабкался из реки, цепляясь за склонившиеся над потоком ветви, как потом рвало его на прибрежных валунах…

Нет, хватит над собой издеваться! Все равно в темноте он далеко не уйдет, а уже начинает темнеть. Надо куда-нибудь забиться до утра. Ливень так ливень, звери так звери, Подгорные Твари так… ох нет, не надо про них на ночь глядя!

Вот тут он и устроится, под елочкой. Кстати, место подходящее: траурное, похоронное дерево…

Орешек втиснулся меж большим замшелым валуном и древесным стволом, устало прислонился щекой к зеленой моховой подушке – и вдруг с воплем вскочил на ноги.

Из камня глядел на него огромный глаз и тянулась когтистая лапа.

Бродяга коротко хохотнул. С ним сыграли злую шутку усталость и нервное напряжение. Он протянул руку и сорвал с валуна пласт мха, обнажив второй глаз изваянного из гранита чудовища.

– Ну, морда! – сказал парень вслух. – И кто же тебя, такого раскрасивого, здесь водрузил, среди леса?.. Вей-о! Клянусь всеми обликами Хозяйки Зла, это же меня занесло в Храм Крови!

И тут же хлопнул себя ладонью по губам и вытянул руки в жесте, отвращающем беду. Не стоило поминать Тысячеликую в месте, где она царила многие века.

Та-ак, что писал о Храмах Крови мудрый Ваасгир Широкий Ручей из опять-не-помню-какого-Рода? (Стыдно, кстати, забывать имена больших ученых!) Воздвигались эти храмы в чащах, вдали от людских поселений (это сходится). Не было у храмов ни стен, ни крыш – лишь чудовищные статуи и жертвенники. (Насчет крыш – это жаль: дождь все-таки начинает накрапывать.) Жрецы не жили здесь, как при обычных храмах, а по известным только им тропам приводили в это страшное место тех, кому суждено было стать жертвой, – связанных, или обманутых, или одурманенных колдовскими зельями. А кто-то шел на смерть добровольно. И лилась кровь во славу хищных древних богов, которым люди поклонялись еще в Темные Времена…

Покончил с этим варварством Авибран Светлая Секира, дед нынешнего короля. Вызнал, где находятся святилища, поверг наземь статуи и казнил жрецов. И правильно сделал. Богам статуи воздвигать, дурь какая! Даже малому ребенку известно, что Безымянные никакого облика не имеют. Это незримые силы, господствующие над миром. А в плотских обличьях является только эта… которую на ночь и в лесу лучше не поминать…

Но осмотреться все же не мешает. Может, удастся устроиться поуютнее.

Вот за статуей и щель подходящая. Пра-авильно – вход в пещеру.

Пещера – это хорошо. Ее, надо полагать, боги специально для него в скале вырубили. Они мудрые, прозорливые, вот и разглядели сквозь века, что придет в эти края бездомный, голый, продрогший человек. И позаботились, спасибо им… Вот только не засела ли в пещере какая-нибудь четвероногая или ползучая пакость?

Орешек осторожно заглянул в щель, просунул туда руку и плечо. Никто не прыгнул и не вцепился – уже приятно. Мелькнула запоздалая мысль: надо было выломать в кустах палку да пошуровать в щели, прежде чем самому лезть туда! Впрочем, трудно ожидать сообразительности от человека, которого било головой о речные валуны…

Шаг… еще шаг… Тьма нависла, окутала, взяла в плен… Во имя Серой Старухи, что за мерзкие мысли лезут в голову! Сроду он темноты не боялся! Нет, дело не в темноте, а в каменных стенах, что окружили, стиснули, вот-вот опрокинутся и задавят… Вспомнились слышанные в детстве жуткие рассказы о рабах, заживо засыпанных обвалом в рудниках и шахтах. Брр, страшнее ничего и не придумаешь! Впрочем, ему ведь не надо лезть вглубь до самого сердца горы! Вот пройдет еще немножко, убедится, что нет опасности, потом вернется к выходу, нарвет травы на подстилку…

Но тут босая нога поехала по плесени, каменный пол вздыбился, превратился в наклонную стену – и бродяга заскользил вниз.

Спуск оборвался так быстро, что Орешек не успел испугаться. Впрочем, страх взял свое, когда парень понял, что очутился на дне узкой каменной «кишки» со скользкими крутыми стенами.

«Спокойно! Не паниковать! Возьми себя в руки, ты, ничтожество! Хочешь – повизжи немного от ужаса, все равно никто не услышит… Ах не хочешь? Тогда думай, как отсюда выбраться. Что говорил Аунк про страх? Он полезен, когда придает силы и заставляет мускулы двигаться быстрее, но нельзя допускать его в голову и позволять ему путать мысли».

Пахло сыростью и плесенью – тоскливый, безнадежный запах. Гладкий камень, пятна мха, никаких трещин, не за что зацепиться. Склон хотя и не отвесный, но все же слишком крутой, чтобы выкарабкаться…

Но колодец узкий, верно? Может, удастся вылезти, упираясь руками в противоположную стену?

Орешек обернулся – и отпрянул, больно ударившись лопатками о холодный камень.

– Вей-о! – вырвался у него вопль изумления и эхом укатился вверх.

Перед глазами недвижно парили в темноте мелкие, но четкие зеленовато-белые буквы:

«Возмечтавший стать жрецом Храма Крови, знай: путь к святыне стерегут две змеи. Первая таится во мраке, в чреве второй найдет свою смерть недостойный. Сколько одна змея выплюнет, столько другая проглотит. Достойный омоется кровью земной и воспарит без крыльев, недостойный будет страдать весь жалкий остаток жизни своей».

Парень протянул руку, но не дотянулся до невесомых букв.

Вей-о-о! Да не возмечтал он стать жрецом Храма Крови! И сроду он об этом не мечтал, чтоб тому храму провалиться! Змеи тут какие-то… людей жрут… плюются…

Что это за молот бухает поблизости? А-а, это стучит его собственное сердце…

Ерунда какая! Было бы из-за чего сердцу в горле колотиться! Нас пугают, а нам не страшно! Подумаешь, буквы светятся! Обыкновенная светящаяся краска, он в аршмирском театре и не такие чудеса видел! Ему самому такой краской балахон вымазали, когда он привидение играл.

А змеи… тоже незачем вопить, пока тебя есть не начали! В тину под кочку эти древние угрозы! Может, раньше здешние святыни и охранялись змеюками, но это ж было лет сорок назад… или поменьше? Все равно змеюки давно одичали, расползлись на поиски еды, а то и вовсе передохли.

Очень хочется думать, что передохли! Не для того же боги вытащили его за уши из водопада, чтобы скормить первой встречной ползучей гадине. К тому же змея, способная целиком слопать человека, сюда может и не протиснуться. Ловушка слишком узкая. Можно сказать, одна змея его уже проглотила, только каменная…

Бродяга зябко переступил босыми ногами по сырому каменному полу.

А ведь это мысль! Его проглотила каменная змея! Та-ак! А если надпись – не угроза, а описание ритуала? Наверное, все на свете жрецы любят выражаться красиво и загадочно.

Но тогда… тогда рядом должен быть еще один колодец! «Вторая змея таится во мраке…» И там должен оказаться выход, лестница какая-нибудь…

А чего эти покойные мучители, чтоб им в Бездне крепко горелось, дальше-то написали? «Сколько одна змея выплюнет, столько другая проглотит…» Ладно, будем считать, что речь идет о нем самом, о его драгоценной особе. Один колодец его «выплюнет», другой «проглотит». Теперь главное – найти проход, соединяющий колодцы. Тогда ему удастся провести «жалкий остаток жизни своей» – годочков этак семьдесят-восемьдесят – где-нибудь на солнышке, подальше отсюда…

Орешек ощупал каждый камень. Лихорадочное возбуждение начало уже сменяться разочарованием, когда наконец внизу, у самого пола, парень обнаружил в стене заросшее мхом металлическое кольцо!

Отлично! Пальцы быстро расчистили плиту, в которую было вделано кольцо. Но какая же она маленькая, эта плита! Если ее вытащить, откроется какой-то крысиный лаз. Голова туда пролезет, а вот плечи – вряд ли… Ладно, выдернем плиту, а там видно будет!

Расставив пошире ноги, парень напрягся и изо всей силы рванул кольцо. Плита поддалась неожиданно легко. Орешек едва устоял на ногах.

Под босыми ступнями захлюпала ледяная жижа. Протянув во тьме руку, бродяга обнаружил, что из открывшегося отверстия хлещет вода.

Этого еще не хватало! Второе купание за день! Да и вода какая противная: вонючая, гнилая, будто годами застаивалась…

Вей-о! «Сколько одна змея выплюнет…» Вот она, гадюка, и плюется! Вода уже выше колен… и если у жрецов все правильно рассчитано, то и выше поднимется! Всплыть наверх – вот он, полет без крыльев!

Вода подступила под грудь. Запрокинув лицо, бродяга гордо улыбнулся.

«Ну, чем я не жрец? Сподобился, омылся кровью земной… ну и запах же у нее!»

Вода продолжала подниматься. Парень уже не стоял на полу, а короткими гребками удерживал себя на поверхности.

«Барахтаюсь, как щенок в канаве! Скорее бы подтащило к выходу…»

Но ему не суждено было вернуться прежним путем: подъем воды внезапно прекратился. Однако причин для паники не было: парень нашарил в наклонном своде нечто вроде ниши, втиснулся туда и обнаружил узкий лаз, который почти сразу стал расширяться и превратился в коридор.

А вскоре по глазам ударил свет, он показался бродяге ослепительным, хотя это были всего лишь лучи низкого вечернего солнца. Бедняга остро почувствовал, как иззяб в сыром подземелье, и бросился на свет, словно ребенок в объятия матери, но споткнулся и чуть не упал. А разглядев, обо что споткнулся, забыл даже про близкое освобождение из пещеры.

Дорогу ему преграждал разбитый сундук. Одна из боковых стенок валялась на камнях, крышка перекосилась на петлях.

Разумеется, сундук был пуст.

Орешек склонился над обломками. В разгоревшемся воображении проплывали картины – одна ярче другой.

Вот жрецы Храма Крови, спасаясь от воинов Авибрана, из последних сил волокут к потайному выходу сундук с драгоценностями, некогда снятыми с принесенных в жертву людей. Сундук разбивается… жрецы сгребают с пола сокровища, в смятении и спешке цепляют на себя ожерелья, кольца, браслеты, чтобы унести как можно больше… набирают полные руки драгоценных камней, насыпают в подолы рубах золотые монеты… В таком виде – сверкающие, ослепительные – выбегают они из пещеры… и градом стрел встречают их лучники короля, которые уже знали о потайном выходе и поджидали преступных жрецов!..

Нет, не так… В разоренный, заброшенный Храм Крови пробирается шайка разбойников. Они случайно обнаруживают лаз в пещеру, который не нашли королевские воины. О счастье – там сундук с сокровищами! Слышны веселые голоса: «Волоки его, ребята!.. Тяжелый, гад!» – «Да ну его в трясину, тащить-то зачем? Разбить – и все дела!» – «Верно, а добычу – в мешки… нести сподручнее будет…»

Орешек мечтательно улыбнулся.

– Кому – добыча, – сказал он вслух, – а кому – синяки да ссадины! Что ж Тысячеликая обо мне не позаботилась? Хоть бы колечко дешевенькое припрятала для неудачника! Уж я бы ей спасибо сказал!

И ведь правду говорят люди: до богов не докричишься, а Серой Старухе только шепни…

Что это было? Лопнула где-то рядом невидимая струна – или сердце на миг дало сбой от свершившегося чуда?

Расширившимися глазами смотрел парень, как в закатных лучах на затянутом мхом камне тускло блестел металл.

Но ведь здесь только что ничего не было! Или просто он невнимательно глядел?

Не прикасаясь к находке, парень опустился рядом с ней на корточки. Веселое возбуждение разом схлынуло, душой завладела тоскливая тревога.

Слышал, слышал он о том, как Хозяйка Зла подбрасывает людям деньги, драгоценности или что-нибудь столь же приманчивое. Но расплачиваться за это приходилось немалыми бедами, а порой и гибелью.

– Да в болото эти сказки! – злобно сказал молодой разбойник, протягивая руку к добыче. – В кои-то веки что-то найти удалось… Да и что она придумает, Серая Старуха, хуже того, что было со мной сегодня?

И тут же хлопнул себя ладонью по губам. Зря он это сказал, зря. Воображение у Хозяйки Зла богатое… и не любит она, когда ей бросают вызов…

Стараясь отогнать дурные мысли, Орешек перенес находку ближе к свету.

Пояс. Серебряный пояс из плоских колец. Работа грубая, наверное, очень древняя. Пряжка широкая, массивная, украшена пятью крупными камнями. Ничего подобного парню видеть не приходилось… впрочем, он же не ювелир…

Четыре квадратных камня располагались на серебряном кольце – желто-красные, непрозрачные. Пятый камень – круглый, черный – был укреплен в центре кольца. Впрочем, черным он казался лишь на первый взгляд. Присмотревшись, можно было заметить в глубине его алую искру – словно огонек разгорался во мраке.

Парень на всякий случай вытянул руку в жесте, отвращающем беду, а затем решительно защелкнул пояс на талии. И тут же фыркнул, представив себе, как нелепо выглядит голый человек с этакой шишкой на пузе.

Последние мрачные мысли вылетели из бесшабашной головы. Орешек выглянул из пещеры.

Узкая заросшая тропинка сбегала в окруженную лесом крохотную – чуть больше обычной поляны – долину, где среди кустов и высокой травы были разбросаны обломки чудовищных статуй.

Вот он, Храм Крови, Храм-Без-Крыши!

Как ни странно, Орешек не испытал страха, оказавшись в урочище черного колдовства. Куда тревожнее было бы ему в глухомани, где деревья никогда не слышали человеческого голоса. Жутковатые статуи были созданы людьми, и среди них – даже поваленных, заросших травой – парень чувствовал себя спокойнее и увереннее. Он даже начал напевать портовую песенку о контрабандистских шхунах, которые шторм прижал к берегу и разбил о скалы.

Не сумела судьба одолеть лишь одну,
Урагана лихую подружку.
В развороте ложилась она на волну,
Как красотка – щекой на подушку…

Песня оборвалась: из-под ног бродяги с шумом вспорхнула птица. Крупная и, надо полагать, вкусная. Устраивалась, видно, в траве на ночь… А ему-то, бедняге, где приткнуться?

Тут как раз он и вышел к распахнутой клыкастой пасти. И даже присвистнул от восхищения. Зверь был огромен… да его же высекли из целой скалы! Потому статуя и не повалена. Кажется, это дракон со сложенными крыльями. Пасть вытянута, как у щуки, а зубищито, зубищи!.. А что с верхней челюстью? Похоже, она раньше двигалась… Вей-о! Вот в чем дело! На нижнюю челюсть клали человека… а здесь был рычаг… верхняя челюсть падала и перешибала жертву пополам. Теперь рычаг выломан, на его место в выемку вбит камень, и страшная пасть застыла, полуоткрывшись. Мерзкая штука, но… но может защитить от дождя.

Орешек проверил, надежно ли держится камень в выемке, и с опаской заглянул в драконью глотку. Места хватит, можно прекрасно выспаться, но что, если этот ротик все-таки

закроется?.. А-а, замечательно: за узкой глоткой, в драконьем пузе, есть щель для стока крови, довольно широкая, через нее можно выскользнуть наружу…

Так за чем дело встало? Он что, дожидается, пока здесь построят постоялый двор? Ночлег в чреве дракона – о таком не мечтали и древние герои! Долго ли наломать зеленых веток… И вот уже Орешек с наслаждением растянулся на ароматной подстилке. Он так устал, что даже не расстегнул неудобный серебряный пояс. В теле ныла каждая жилочка, но даже эта боль казалась сладкой.

Впрочем, блаженное состояние длилось недолго. Теперь, когда опасность отступила, на бродягу навалился голод. Вей-о-о, кишки в узел завязываются! Ладно, не привыкать, не в первый и наверняка не в последний раз ложится он спать с пустым брюхом. Есть проверенный способ – вспомнить перед сном что-нибудь приятное. Лучше всего детство…

Мягко улыбаясь, парень закрыл глаза. Солнечные пятна на каменном подоконнике, крики ласточек под крышей, запах пыли и старой кожи от книг, навощенная дощечка в руках и ласковый голос хозяина: «Ну-ка, Орешек, покажи, что ты там успел изобразить?..»

7

– Ну-ка, Орешек, покажи, что ты там успел изобразить?

Восковая дощечка покрыта неуклюже нацарапанными знаками. Читает мальчик уже хорошо – на подоконнике лежит лист серой бумаги с отрывком из легенды о Двенадцати Магах, который он только что без запинки отбарабанил вслух. А вот переписать этот отрывок куда сложнее. А еще труднее потом самому разобраться в буквах, которые разбрелись по дощечке. Надо быстро отвлечь хозяина, иначе заставит переделать все с самого начала.

– Господин, а почему здесь сказано: «И взял каждый из них себе жен»? Переписчик ошибся, да? Надо было – «жену»?

– Нет, все верно. Была в Огненные Времена такая дурь – многоженство. Мужчина сажал себе на шею целый курятник. Хвала Безымянным, обычай этот канул в Бездну… А у Великих были гаремы. Потому Дети Кланов и добавляют к своему имени слова «Ветвь такая-то». Разные Ветви Клана – это наследники мага от разных его жен… Ох, да ты же меня нарочно отвлекаешь! Покажи дощечку, покажи… Та-ак! Не пойму: воробей, что ли, тут прыгал, лапками наследил? Ты сам-то можешь прочесть?.. А здесь… говорил же я тебе: названия Кланов нужно обводить во-от такой рамочкой!

Тонкие, длинные пальцы старика чертят изящный овал вокруг слова «вепрь».

– Во-от так! Иначе получается, что ты пишешь про дикую свинью! Ох, Орешек, Орешек, горе ты мое!..

Хозяин называет его так из-за цвета волос – как скорлупа лесного ореха. Мальчик предпочел бы что-нибудь более звучное и героическое, но не рабу выбирать себе прозвище…

– Нет, малыш, так не пойдет. Придется это безобразие стереть и еще разок, как следует…

Вей-о! Надо действовать быстро!

– Господин, а в чужих землях тоже есть Кланы?

– Конечно. В Силуране. Когда к власти пришел Первый Король… а ну, как его звали?

– Лаогран Полночный Гром из Клана Дракона!

– Пра-авильно, только надо добавлять: «Ветвь Гребня». Итак, когда к власти пришел Лаогран, объединивший разрозненные владения вокруг королевства Алых Скал и давший новой стране имя Грайан, некоторые Дети Кланов подняли мятеж, который был решительно и жестоко подавлен. Уцелевшие мятежники ушли за Лунные горы, в Силуран. В память об этом их потомки, к какому бы Клану они ни принадлежали, добавляют к имени слова «Ветвь Изгнания». Впоследствии один из них, Гайгир Снежный Ручей из Клана Вепря, женился на дочери короля Силурана, унаследовал трон тестя и положил начало нынешней правящей династии…

Хозяин умнее всех на свете. Нет вопроса, на который он не смог бы ответить. И про Орешка тоже все знает.

– Опять мне глаза отводишь, поросенок! Устал писать, да? Ладно, погуляй. В твоем возрасте дома сидеть – хуже порки…

Было бы с чем сравнивать! Орешка сроду не пороли. Во всяком случае – за то время, что он принадлежит мудрому Илларни Звездному Голосу из Рода Ульфер. А что было до этого… Илларни купил у торговца больного, истощенного мальчишку лет шести, выходил, поставил на ноги, но после болезни мальчик начисто забыл все, что было с ним раньше…

Ладно, отпустили – бежим гулять! Вихрем, ураганом, водопадом – вниз по винтовой лестнице! Такого дома нет ни у кого по соседству. И не сравнить с приземистыми деревянными строениями, где на плоских крышах хозяйки выращивают в ящиках овощи и цветы. Орешек живет в настоящей сторожевой башне! Некогда Тайверан был совсем маленьким

городом, и с верхушки башни стражники вглядывались вдаль – не приближается ли враг? Теперь столица Великого Грайана разрослась, окраины отодвинулись далеко на все четыре стороны света, а башня стала не нужна. Какой-то купец арендовал ее под склад товаров, да разорился. А потом король Бранлар Секира Судьбы отдал ее в пожизненное владение мудрому Илларни. Не так уж удобна башня для жилья – зимой холодно, дров не напасешься… Зато она выше почти всех зданий в городе, а наверху есть смотровая площадка, с которой Илларни великий астролог, наблюдает движение небесных светил. Давно пора было старому Илларни обзавестись собственным углом. Бурную, полную приключений жизнь вел знаменитый ученый: скитался из страны в страну, беседовал с великими мыслителями, впутывался в придворные интриги, выбирался из авантюрных передряг, чудом выживал в пожарах войн, совершил побег из печально знаменитого Крысятника – темницы в Джангаше. Наррабан до сих пор требует у Великого Грайана выдачи «богомерзкого звездочета». Союз Семи Островов – тоже. Но король, да вознаградят его Безликие, позволил астрологу обосноваться в Тайверане, предоставил дом – эту самую башню – и даже велел дважды в год выдавать ученому немного денег. Богатые горожане иногда заказывали гороскопы, так что жить было можно.

Конечно, при таких скудных средствах неразумно было держать раба. Вся округа осуждала почтенного Илларни за расточительность. Работы у мальчишки – пол подмести да пыль смахнуть, а лопает небось как взрослый. Вон как вытянулся, а был заморыш заморышем. И одежки на такого не напасешься. Другие рабы от снега до снега ходят в набедренных повязках, а этого лодыря хозяин одевает, как любимого сынишку…

Целыми днями мотался Орешек по улицам в компании таких же озорников, как он сам. Окрестности «сторожевой башни» населяли ремесленники и мелкие лавочники. Были это люди степенные, семейные: почти в каждом крохотном дворике, обнесенном деревянным заборчиком, визжала и барахталась орава сорванцов, так что в товарищах у Орешка нехватки не было.

Вся столица была перед ними и для них. И он был красив, этот город, чье имя означало «главная гордость».

Больше всего нравился Орешку дворец, обнесенный стеной с двенадцатью изящными башенками. Внутрь мальчишкам проникнуть не удалось ни разу: стража не дремала, любой сопливый «нарушитель» немедленно перехватывался и за ухо выдворялся на площадь. Но и снаружи было на что поглядеть. Стена снизу доверху была выложена красочными изразцами, привезенными из Ксуранга. Со слов Илларни Орешек знал, что украсить стену дорогими и хрупкими изразцами приказал Лаогран Полночный Гром. Тем самым король выразил уверенность в том, что никогда вражеские воины не ворвутся на эту площадь, никогда таран не ударит по дворцовой стене. Король не воздвигал для себя крепость – он строил хрупкое, легкое, прекрасное жилище. «Моя защита – это мое войско!» – гордо говорил Лаогран (что не помешало ему, между прочим, возвести мощные и грозные внешние стены города).

Хороши были и башенки, каждую из которых на свои средства строил один из Кланов. Они так и назывались: Соколиная, Рысья, Лебединая, Медвежья… Самой красивой мальчишки без спора признавали Драконью башню: ее обвивал каменный дракон, а в разинутой пасти чудовища раскачивался колокол. Двенадцать раз в сутки отбивал он время: шесть раз днем и шесть раз ночью. Горожане знали: третий светлый звон – полдень, третий темный звон – полночь. Но до жилища Илларни голос дворцового колокола не долетал. Звездочету возвещал полночь тройной удар другого колокола – того, что висел на судебной площади. А всего колоколов в городе было восемь, и звучали они каждый по-своему: один – звонко и весело, другой – гневно и резко, третий – властно и протяжно…

В те счастливые дни мальчишки твердо знали, что Тайверан Великолепный воздвигнут для их развлечения. Можно было выбраться к королевскому дворцу и из толпы смотреть, как

торжественно въезжают на площадь иноземные послы со свитой: смуглые до черноты наррабанцы в ярких одеждах; надменные силуранцы, увешанные драгоценностями и враждебно поглядывающие по сторонам; молчаливые, загадочные пришельцы из Ксуранга, о которых ходят невероятные истории…

Можно было покрутиться на Судебной площади, поглазеть, как почтенные судьи разбирают тяжбы между горожанами. Зачастую и казнь удавалось увидеть – ну, потом у мальчишек было о чем поговорить: как держался смертник, как ловко орудовал удавкой голорукий палач…

Полна соблазнов и чудес была и Ярмарочная площадь, шумная, разноязыкая. Кружили голову запахи пряностей с далеких островов, ласкали взор пушистые наррабанские ковры и переливы шелковых и атласных тканей, забавляла разноголосая брань и отчаянная торговля, когда со стороны казалось, что покупатель выкладывает последнюю монету, а торговца только вещь, которую он сейчас продает, может спасти от разорения… Особенно привлекали мальчишек солидные, тихие ювелирные лавки. Нет, не из-за драгоценностей, ведь ни один ювелир не стал бы раскладывать свой товар перед уличными ребятишками. Детей притягивало другое: за порогом каждой лавки, у распахнутых дверей дремал вывезенный из Ксуранга пес удивительной породы. Громадные мощные звери, черные с рыжими подпалинами, лежали, положив на лапы тяжелую квадратную морду с отвисшими складками губ, казалось, спали… но это только казалось!.. Манил ребятишек и Сытный ряд, особенно тот его конец, где продавались сласти. Тут счет шел на медяки, тут и ребятишки были желанными покупателями. Торговцы здесь были веселыми, приветливыми, сыпали прибаутками. За мелкую монетку они отхватывали ножом большую плитку загустевшей смеси меда, ягодного сока, муки и лесных орехов. Или обмакивали свежую лепешку в золотистый кленовый сироп. Или высыпали в подставленные грязные ладошки пригоршню сушеных кусочков фруктов, что растут на островах.

Кое-кто из подростков подворовывал в рядах по мелочи, но Орешек ни разу не тронул кошелька на чужом поясе… да что там – даже лепешки не цапнул на бегу. Любой мальчишка из их ватаги, попадись он в первый раз, получил бы от стражников без судебного разбирательства хорошую трепку, да и дело с концом. Ну, отволокли бы домой, там еще родители бы добавили. Серьезные неприятности начинались, когда воришку ловили вторично. Другое дело – он, Орешек. За преступление раба отвечает хозяин, а беды для Илларни мальчик не хотел.

Больше ничем не выделялся он среди сверстников. Щенята, барахтающиеся в общей куче, не разбираются, кто из них какой породы. Орешек рос крепким, смелым парнишкой, не рвался командовать, но и в обиду себя не давал.

Так текли год за годом – грязные, зеленые, долгожданные весны, жаркие до звона в воздухе летние месяцы, щедрая и добрая осенняя пора, зимы, загонявшие ребят в дома, к теплым очагам… и самый любимый, сказочный, волшебный месяц Осколок, в котором было не сорок дней, как в любом другом месяце, а всего пять. Осколок будоражил опасностью, скрытой недоброй тайной: в эти дни сильнее всего были слуги Хозяйки Зла, и горожане, даже знатные, надевали плащи наизнанку и мазали сажей лица, чтобы нечисть не узнала их. Завершался Осколок самой длинной ночью в году, и до рассвета на улицах горели костры, и никто не сидел под крышей, а наутро горожане облегченно вздыхали: все, начался новый год…

А как любил Орешек долгие вечера, когда в башне собирались гости и вели мудрые беседы! Вино гости приносили с собой, хозяин не обижался. Мудрость помогала старому ученому возвыситься над житейскими мелочами… Заботой Орешка было менять свечи, когда они догорали (обычно хозяин пользовался жестяным светильником, но для гостей водружал на стол два подсвечника). Мальчик тихо сидел в углу и вслушивался в разговор.

Гости были людьми самого разного происхождения; больше нигде они не смогли бы так, на равных, собраться и поговорить. Приходил, например, высокородный Гранташ Грозовое Облако из Клана Лебедя, Ветвь Белого Пера; рядом с ним сидел книготорговец Юншайгир Медленный Ручей из Рода Фергур. И тут же без всякого стеснения пристраивался у огня простой десятник городской стражи, чье имя, кажется, ни разу не прозвучало в этой компании, но которого все любили слушать, так как он был человеком, много повидавшим и пережившим. Десятник сиплым голосом рассказывал о битвах, в которых ему довелось участвовать (и которые без него не были бы выиграны), о великих людях, которых он знал лично (и которые щедро награждали его за отвагу), о прекрасных женщинах (чьи имена он назвать не мог, дабы не дошли эти разговоры до их мужей), о далеких землях (где осталась о нем неизгладимая память). Сын Клана охотно пил за здоровье вояки, Илларни норовил подловить рассказчика на какой-нибудь исторической или географической несообразности, а книготорговец, сгибаясь от смеха пополам, умолял десятника продиктовать все это писцу, потому что такое складное вранье можно выгодно продать…

Когда Орешек подрос, он пристрастился к книгам, которых много было у мудрого Илларни. К огорчению хозяина, Орешек остался равнодушен к тайнам звездного неба. Зато запоем читал про сражения, осады крепостей, подвиги великих воинов. Сладко кружилась голова, в воздухе витал отчетливый запах гари, где-то рядом пели стрелы. Орешек из окна, как из бойницы, смотрел вниз, туда, где у подножия стены копошились, ставя лестницы, воины в уродливых шлемах. Но он, отважный командир, сейчас повелительно взмахнет рукой – и на головы врагов обрушится лавина кипящей смолы…

Чтение, особенно такого рода, – не самое подходящее занятие для раба, это сказал бы любой в округе. Но Илларни души не чаял в смышленом парнишке и поощрял его тягу к книгам.

Так жил Орешек – и не поменялся бы своей участью даже с наследником престола… ну, положим, с наследником престола все-таки поменялся бы, но в таком случае не оставил бы хозяина своими высочайшими милостями…

И текли день за днем – до одного случая, который многое изменил.

Неподалеку от «сторожевой башни» держал лавку торговец тканями. По меркам округи он мог считаться богачом, а вредным и противным человеком он мог считаться по любым меркам. Дверь лавки всегда была распахнута настежь, широкий прилавок завален отрезами материи всех сортов и расцветок, на резном стуле восседал толстый краснолицый хозяин, а на стене напротив входа, на самом видном месте, красовалось изображение бравого воина в шлеме и кожаной боевой куртке. Одной рукой вояка вздымал над собой окровавленный меч, а другой держал под уздцы коня, навьюченного мешками (как подразумевалось, с военной добычей). Воин имел отдаленное сходство с почтенным торговцем, что было отнюдь не удивительно, ибо лавочник сам позировал художнику из Цветного ряда (где торгуют красками и подряжают мастеров на малярные работы).

Хозяин лавки с гордостью объяснял каждому покупателю, что портрет изображает его отважного деда, который участвовал в одной из войн с Силураном. Важно поднимая палец, торговец произносил заученную фразу: «Своими боевыми трофеями сей доблестный воин заложил основы благополучия моего Семейства!» (Илларни перевел эту фразу на нормальный человеческий язык так: «Награбил больше, чем смог пропить, кое-что и детишкам его перепало».)

Ребята терпеть не могли торговца за жадность и сварливость. Неприязнь к лавочнику они перенесли и на блистательную картину: говорили, что у вояки физиономия, как у объевшегося кота, что меч он держит неправильно… А Орешек как-то заметил, что конь в поводу у героя очень уж смахивает на козла. Ему бы рога да бороду – вылитый был бы козел из Скотного ряда.

Идея понравилась. Конь был обречен. Ему предстояло превратиться в козла.

Преступление было тщательно спланировано: заранее добыли и развели черную краску, распределили роли, дождались, пока торговец останется один в лавке. Маленькая дочка сапожника подкатилась на своих толстеньких ножках к порогу и противно запищала: «Господин, господин, а кузнецовы близнецы сидят на твоей яблоне!»

Торговец весьма гордился яблоней, растущей в маленьком дворике за лавкой, и прилагал огромные усилия, чтобы уберечь яблоки от малолетних разбойников. Вот и сейчас – с воплем вскочил он на ноги, схватил метлу и, не тратя времени на то, чтобы запереть лавку, ринулся вон.

Тут же из-за угла выскользнули Орешек и восьмилетний сынишка медника. Они действовали быстро и слаженно. Орешек прислонился к стене и нагнул спину, а младший мальчик ловко вскарабкался ему на плечи. Горшочек с краской болтался у пояса малыша, кисть была зажата в зубах.

Увы, злоумышленники плохо рассчитали время. В самый разгар работы юного живописца нагрянул хозяин. Рев разъяренного толстяка потряс улицу. Испуганный малыш потерял равновесие, замахал руками. Брызги черной краски разлетелись по всей лавке, жирными пятнами застыли на рулонах серебристого бархата, розовой кисеи, желтого атласа… и на багровой морде торговца. При виде такого кощунства он на миг окаменел – и только это спасло ребятам жизнь, иначе не выйти бы им за порог. Как перепуганные мыши, метнулись они к выходу мимо хозяина, тот завертелся на месте, пытаясь схватить мальчишек… но те уже мчались по улице, и Орешек на бегу твердил себе, что все обойдется, что толстяк не узнал их…

Зря бедолага себя успокаивал. В тот же вечер лавочник притащил свою с трудом отмытую рожу в «сторожевую башню». Илларни принял гостя в нижней комнате, а провинившийся парнишка затаился на винтовой лестнице и слышал каждое слово ужасного разговора. Торговец исходил праведным гневом, Илларни отвечал тихо и односложно, а Орешек сжимался в комок и гадал: выдерут – не выдерут? Наконец толстяк, вволю наоравшись, беспощадно бросил окончательную цифру ущерба – круглую, звонкую, увесистую. Орешек чуть не взвыл, все сомнения исчезли. Таких денег в «сторожевой башне» никогда не водилось, а значит, его ждала первая в жизни настоящая трепка.

Злобно хлопнула дверь – это удалился торговец. Орешек собрался с духом, сполз с лестницы и с несчастной физиономией поплелся просить прощения. Но едва он поднял глаза на хозяина, как покаянные слова застряли в горле.

Перед мальчиком сидел смертельно усталый, измотанный ударами судьбы старик. Худые руки бессильно лежали на коленях, взгляд был прикован к плитам пола. Орешек пытался что-то сказать, но не мог вытолкнуть ни слова из пересохшей глотки.

Старик встал и, шаркая, побрел к лестнице. На первой ступеньке он обернулся.

– Продам я тебя, – сказал Илларни бесцветным голосом и начал медленно подниматься, опираясь о стену.

Орешек стоял, широко распахнув глаза, медленно осознавая весь кошмар того, что произошло. Вокруг рушился мир, замедляло ход время, земля уходила из-под ног…

Наверху тяжело упала крышка люка смотровой площадки. Этот звук разрушил чары. Мальчик прыжками взлетел по лестнице он скребся снизу в люк, скулил, захлебываясь слезами, что больше никогда, никогда… просил Безымянных, чтобы они сотворили чудо и оставили все по-старому…

Боги вняли мольбе. Все осталось по-старому. Только несколько редчайших старинных рукописей покинули на следующий день свои места на полках. На прощание старик погладил каждую из них ладонью, как ребенка. Орешек нес фолианты к книготорговцу и чувствовал себя предателем и негодяем.

А вечером, лежа на широком сундуке, служившем ему постелью, и прислушиваясь к неровному дыханию спящего за тонкой перегородкой хозяина, мальчик впервые всерьез задумался над своим положением. Как сложилась бы его судьба, не купи его Илларни? И – что еще важнее – как она сложится, если хозяин умрет? Да хранят его Безликие, конечно… но ведь он так стар!

Перед взором встал, как наяву, скрюченный хромой человек с лицом, изрезанным глубокими морщинами, – истопник одной из городских бань для бедноты. (Илларни не любил грязи и часто выдавал мальчишке медяк на дешевую баню.) Орешек, любознательный и общительный, познакомился с истопником и, как страшную сказку, слушал рассказ этого жуткого существа о жизни, которая почти целиком прошла под землей, в угольной шахте, на цепи. После того как бедняга попал под обвал и был искалечен, его расковали и подняли наверх. С трудом ворочая непослушным языком, получеловек-полузверь пытался объяснить мальчику, как невыносимо било по глазам солнце. Сколько времени он его не видел?.. Истопник передергивал плечом: откуда ему знать, как сочтешь годы в освещенном факелами подземном поселке?.. То словами, то счастливым мычанием говорил истопник о своей удаче: могли прикончить калеку, а нет, живой, и работа здесь легче, чем в шахте; кормят, правда, хуже, зато почти не бьют, а по утрам, когда в бане никого нет, можно полежать во дворике на настоящей зеленой травке…

Десятки других историй, одна страшнее другой, припомнились мальчику. Как же мог он не ценить того, что выпало на его долю? Да, конечно, хозяин обедал первым, а Орешек добирал остатки, как же иначе? Но ведь несъеденными хозяин всегда оставлял лучшие куски! Или взять хотя бы куртку, что на днях купил ему Илларни. Хозяину давно нужны новые башмаки, а он – эту куртку…

А ведь этот добрый старый человек – единственная защита Орешка от холодного, безжалостного мира. Мира, где он – всего лишь домашняя скотина, вроде лошади. Наследников у старика нет, и если, страшно подумать… если что-нибудь… Вей-о! Он же будет продан в пользу казны!

Мальчик представил себя на рыночном помосте, в окружении брезгливо-заинтересованных покупателей, – и коротко, со стоном вздохнул. Куда он попадет? В шахту? В каменоломни? На мельницу, жернова вертеть?

И его будут бить! Конечно, будут! Илларни его ни разу пальцем не тронул, а новые хозяева… за каждую промашку, как собаку…

Орешек задыхался, будто горло уже стиснул ошейник из жесткой кожи.

Сон пришел лишь под утро – тяжелый, мучительный. А проснулся Орешек повзрослевшим. Или, как вскоре отметили соседи, поумневшим.

Он резко бросил проказы. Впрочем, ватага и так начинала распадаться. Мальчишки подрастали, теперь они поглядывали свысока на приятеля по детским играм. Если Орешек и чувствовал досаду, то ничем этого не показывал, был со всеми приветлив и учтив. От лишнего поклона спина не переломится.

Теперь подросток во все глаза высматривал работу: то пекарю мешки с мукой с телеги сгрузить, то присмотреть за товаром, если зеленщик отлучится из лавки, то сбегать куда-нибудь с поручением. Подобревшие соседи охотно давали заработать симпатичному парнишке, веселому и расторопному. Каждый медяк он нес в дом. Изменилось и его отношение к хозяину: Орешек ворчливо и заботливо, как старая нянька, следил, чтобы Илларни не забывал поесть вовремя, чтобы не выходил в холод легко одетым…

Тем не менее Илларни однажды высказался напрямик:

– Ох, Орешек, горе ты мое! Не верится мне, что ты раз и навсегда взялся за ум. Боги дали тебе много хороших черточек, но в твоей неглупой голове вовсю гуляет ветер. Встряска уняла на время твое легкомыслие, но жизнь еще будет трясти и трясти тебя, пока не очистит

от шелухи, которой в тебе предостаточно. И произойдет это не скоро, ибо ты гибок, как молодая ветка орешника. Помяни мои слова: ты будешь, как росу, стряхивать со своей души переживания, которые другому человеку навсегда отравили бы жизнь. Но все же ты начал взрослеть. Пора всерьез подумать о твоем будущем…

Но старик не успел прийти ни к какому решению. Когда Орешку было лет этак семнадцать-восемнадцать, грянула беда.

Незадолго до этого умер король Бранлар, на трон взошел его сын Джангилар Меч Судьбы. Некий богатый землевладелец живущий в усадьбе неподалеку от Тайверана, пожелал узнать, что сулит ему смена правителя, и заказал Илларни гороскоп. Двое суток астролог трудился над вычислениями, а затем аккуратно записал результаты – для солидности не на бумагу даже, а на пергамент. И Орешек отправился за деньгами.

Полдня пути по лесной дороге были для подростка приятной прогулкой. Орешек вспугивал лягушек в придорожных канавах, полез купаться в небольшую речушку, вылетел оттуда, как утка, заметившая выдру (вода в начале Цветущего месяца была еще ледяной), повалялся на песке, скинув рубаху и подставив пузо горячим лучам, затем, насвистывая, двинулся дальше. Когда кончился лес и вдоль дороги раскинулись поля, Орешек подразнил как следует ребятишек в придорожной деревеньке (взрослых дома не было, самое время сеять овес, но мальчишки дали достойный отпор прохожему наглецу, чуть собак на него не спустили), поболтал с возчиками, которые на двух телегах возвращались порожняком из столицы (и проехался на одной из телег), безуспешно поохотился на грача и в прекрасном настроении прибыл к дверям помещичьего дома.

Он не знал, что заканчивается последний день его детства, что завтра привычная и такая уютная жизнь расползется в клочья, как ветхая ткань…

Хозяин усадьбы принял гороскоп и заранее приготовленную расписку Илларни, отсчитал серебро и добавил мальчишке пару медяков за труды. Солнце уже склонялось к закату. Помещик распорядился, чтобы Орешка накормили со слугами и устроили где-нибудь переночевать. С первыми лучами солнца паренек не спеша побрел назад и к четвертому светлому звону добрался до городских ворот.

Никаких дурных предчувствий у него не было. Увидев отворенную калитку, он лишь удивился. Но распахнутая настежь дверь «сторожевой башни» заставила его встрепенуться. А потом уже кружилась голова и подкашивались ноги при виде опустевшей, разоренной нижней комнаты, где уцелели только карты дальних земель на стенах – никто на них не позарился…

Сосед-пекарь, к которому влетел за объяснениями потрясенный юноша, рассказал, что старого астролога увели стражники. Пекарь не добавил, что дом разграбили почтенные и добрые соседи, но парнишка догадался об этом и сам, увидев у пекаря на полке знакомый жестяной светильник. Дело обычное, мальчик и сам однажды принял участие в растаскивании имущества из опустевшего дома, когда скончалась вдова уличного писца… Значит, вся округа уже считает хозяина мертвым. Это могло означать лишь одно: кому-то знакомый стражник шепнул, что звездочет уже не вернется…

Орешек обегал весь огромный город, ставший вдруг враждебным, расспросил нищих, сидевших у ворот городской тюрьмы и на Судебной площади, но не узнал ничего. Отчаяние душило его, но проблеском во мраке сверкнуло воспоминание о мальчишке из его прежней компании, сыне мясника. Когда-то этот туповатый толстячок, чуть старше Орешка, терпеливо носил нелестное прозвище Свин Мордастый. Теперь, разумеется, к нему так уже не обратишься – большой человек, городской стражник! Но детские игры бывший Свин не забыл, снисходительно выслушал просьбу, сопровожденную бесчисленными поклонами, и быстро и бесплатно все выяснил.

Орешек узнал, что хозяина не помещали ни в городскую тюрьму, ни в дворцовое подземелье, а вывезли за Малые Торговые ворота и сдали с рук на руки предводителю отряда всадников. Кто такие – неизвестно. Предводитель отряда показал десятнику стражников перстень с печаткой, на том дело и кончилось. По какой дороге двинулся отряд? По дороге Старых Вязов, что к морю ведет…

Лишь затемно вернулся Орешек к разоренной башне. Он сам не знал, зачем пришел сюда. Молча плелся к калитке, молча обернулся на оклик соседа-пекаря, молча свернул к нему во двор. Жена пекаря вынесла мальчику миску похлебки, он съел все, не понимая, что делает. Хозяйка постелила в сарае, на сене, чистую рогожку. Парнишка послушно лег, слушая, как в темноте всхрапывает старая лошадь.

Понемногу Орешек успокоился. Взвесив свое невеселое положение, мальчик встал и толкнул дверь. Она была заперта снаружи, но парнишку это не смутило: щеколда помешала бы выйти разве что лошадке пекаря. Орешек взял в углу помело, вытащил прутик, просунул в широкую щель меж косяком и дверью и аккуратно приподнял щеколду. Выйдя, он не забыл запереть сарай.

Обогнув бочку с дождевой водой, мальчик оказался под окном дома. Одна из первых ночей Цветущего месяца была теплой, окно закрывала лишь пестрая занавесочка. Услышав над собой разговор, Орешек затаился. Голос пекаря долетал до парнишки невнятным бормотанием, зато каждое слово женщины было слышно отчетливо:

– Да, конечно, дура-баба! Как что присоветую, так дура-баба! А ты умный очень – даровым добром швыряешься! Или так богато живем? Ты который год вместо Одуванчика молодую лошадь купить не можешь, не по кошельку нам! А раб, крепкий да здоровый – прикинь, сколько он стоит? Нет, ты послушай, я дело говорю! Ты же стареешь, трудно со всем управляться, а детей у нас нет… Что-о?! Племянники? Паршивцы сестричкины тебе помогут? Они в два счета хозяйство растащат да по кабакам промотают на радость Тысячеликой! А этот парнишка… на глазах ведь рос! Умница, старательный, шустрый… грамоту, счет знает! Поставил бы его в лавку, а сам бы у печей крутился… Опять же и мальчика пожалеть надо: кто знает, в какие руки угодит, а паренек-то хороший… – Женщина помолчала, прислушиваясь к бормотанию мужа. – А что «закон»? При чем здесь закон? Может, от тебя кусок отвалится, если присягнешь, что Илларни продал тебе раба?.. Ах, свидетели? Тоже мне беда! Мой брат все, что хочешь, подтвердит… два свидетеля? Ну… тогда второй Прешлина будет… Какая-какая, Серый Цветок, вдова плотника! Я ж говорю – стареешь, покупателей стал забывать! Она нам столько задолжала…

Женщина отошла от окна, голос ее стал неразборчивым.

Орешек в задумчивости пересек двор. У ограды кто-то толкнул его под колени. Мальчик обернулся и обнял за шею крупного рыжего пса, с которым давно был в приятельских отношениях.

– А что, Рыжий, – шепнул он, гладя лохматый загривок, – здесь можно жить да жить! Они оба добрые люди, хозяин и хозяйка… ты ведь это знаешь, правда?

Рыжий зверь дышал в лицо мальчику, не понимая, почему голос друга дрожит.

– Здесь спокойно, сытно… а только вот что я скажу, Рыжий: если бы тебя с хозяином разлучили, ты б не остался в теплой будке, возле полной миски, верно? Ты б за ним на край света бежал, в кровь лапы сбил бы, а бежал, да?

Юноша поднял к звездам внезапно повзрослевшее лицо.

– Я, конечно, только раб, – сказал он с горькой гордостью, – но никто не скажет, что я хуже пса!

Сильным и гибким движением перемахнув ограду, он исчез во мраке…

Как же хранили его боги во время погони по дороге Старых Вязов! От деревни к деревне, от одного постоялого двора другому лежал его путь. И все это время – почти весь

Цветущий месяц – Орешек, жадно собирая каждый слух, каждое вскользь брошенное слово об отряде, увозившем хозяина, не понимал, какой опасности подвергался сам. Он знал, конечно что дороги кишат разбойниками, что любой бродяга зарежет человека за медяк, а не то что за полный кошель серебра. Слышал он и про страшных охотников за людьми, что хитростью или силой захватывают одиноких путников и продают в рабство. Но ему и в голову не приходило, что все это могло произойти с ним, он вообще о себе ни на миг не задумывался.

След оборвался в Новом порту Аршмира, Города Волн. Оборвался окончательно и безнадежно. Удалось лишь узнать, что командир отряда сговаривался в таверне «Каракатица» с капитаном какого-то судна. В порту ежедневно становилось на якорь около десятка больших и малых кораблей, столько же ежедневно отчаливало: горячая пора, торговый сезон! Морские пути незримой паутиной связывали Аршмир с десятками портов доброй дюжины стран.

Орешек почувствовал себя отчаянно одиноким.

И – к своему удивлению – свободным.

До него не сразу дошло, что здесь никто не сможет объявить его своей собственностью. Никто не сообщал его приметы страже и не выкликал их на Судебной площади. Клейма на спине нет… да что там клейма – рубца от бича не найти. Обычный парнишка из Отребья, который барахтается в житейском болоте, стараясь не пропасть…

Теперь приходилось самому думать о своей судьбе, самому принимать решения. Это озадачивало и пугало юношу, но выбора не было. Что ж, свобода так свобода…

Ну и куда же его забросила судьба?

Вей-о-о! Веселый город Аршмир!..

8

Орешек рывком попытался сесть и выругался, ударившись головой о низкий каменный свод. Рой сновидений испуганно разлетелся.

Надо же быть таким болваном – забыть, что ночуешь в чреве дракона! Но что его разбудило? Пра-авильно – комары. Им-то наплевать на всех драконов на свете. Дорвались до голого человека и пируют, сволочи!

Нет, комары комарами, а разбудило что-то еще…

Орешек поежился. Откуда взялось это острое, сторожкое чувство, заставляющее ловить каждый звук, каждый запах? Все жилочки в теле звенели, пели как струны: «Враг близко!»

Какой враг? Отряд стражников? Или… Нет уж, не надо никаких «или»! Вообще никого не надо!

Орешек выполз из каменной туши и огляделся. Луна канула за вершины деревьев, небо на востоке – насколько можно было видеть сквозь спутанные кроны – бледнело, светлело. Ниже все застилал тяжелый туман.

Хрустнула ветка. Не раздумывая, разбойник плюхнулся на живот, утонув в белесой пелене, и напряженно прислушался. Было тихо, лишь шумели вверху ветви – поднимался ветер.

Память услужливо (и совершенно неуместно) подбросила начитанному юноше трепетные строки поэмы «Рассвет в лесу» лирика, писавшего под псевдонимом Джаши Странник. Орешек чуть не выругался вслух. Этот Странник, восторгавшийся первыми голосами птиц и ранним ветерком, порхающим в листве, в то утро наверняка был одет и обут. Ему не приходилось елозить голым пузом на чем-то сыром, жестком и колючем…

Туман, скрадывавший все вокруг, не позволял видеть даже древесные стволы вокруг поляны. Пришлось встать. Теперь Орешку казалось, что он бредет по пояс в молочно-мутном озере. Наугад сделал он шаг, напоролся на что-то острое, зашипел по-змеиному и еще раз помянул недобрым словом ни в чем не повинного поэта Джаши.

Белесые полосы таяли под ветром. Лес выходил из тумана, как враг из засады.

Тревога не унималась. В горле пересохло, волоски на коже приподнялись, по позвоночнику пробежал озноб. Чтобы успокоиться, Орешек провел ладонями по обнаженному телу, стряхивая капли росы. При этом он задел пряжку пояса – и вздрогнул. Находка, к которой парень успел привыкнуть, неуловимо изменилась. Серебряные звенья остались прежними, а вот камни…

Орешек еще раз положил на пряжку ладонь – и тут же отдернул. Камни стали колкими. Не горячими, не леденящими, а именно колкими, словно усыпанными мелкими иголочками.

Встревоженный Орешек снял пояс. Четыре квадратных камня на вид не изменились, но круглый… вей-о!

Искра, что вчера едва светилась в его черной глубине, стала ярче, крупнее и, что удивительнее всего, слегка подрагивала, словно билось живое сердце.

Спрашивается, за каким болотным демоном нужны нормальному человеку колдовские штучки, что десятилетия валялись там, где не только земля, но даже камни пропитались кровью?..

Орешек размахнулся, чтобы забросить в кусты непонятную и опасную вещь. Но что-то его остановило. Упрямство? Любопытство? Или нелепая, детская обида: судьба подарила невероятно интересную игрушку, а теперь… своими руками…

Еще раз взвесив серебряный пояс на ладони, молодой разбойник злым и решительным движением застегнул его на талии и замер, прислушиваясь к вновь нахлынувшей тревоге.

Теперь он ощущал, что источник опасности находился где-то впереди… Орешек, кажется, мог даже определить, где именно.

Парень сосредоточился, полностью открывшись и доверившись странной силе, что овладела его душой. Медленный поворот на месте… глаза расширены… тело чутко ловит невидимую ледяную волну…

Наконец осторожно, точно опасаясь развеять эту волну, Орешек перешагнул поваленный ствол и тихо двинулся под черную арку из двух деревьев, склонившихся друг к другу. За последние годы он усвоил урок: никогда не оставлять опасность за спиной. Какой бы она ни была, ее лучше встречать лицом к лицу. «Убегать опаснее, чем драться», – учил его Аунк.

Сразу исчез измученный, изголодавшийся бедолага, то вслух, то про себя сетовавший на горькую судьбу. Рысьей походкой по лесу шел воин. Да, воин, хотя в руках у него и не было оружия! Хозяин не узнал бы его в этот миг. У Орешка была хорошая школа.

Вчера он брел по лесу напролом, сейчас старался не шуметь. К счастью, подлесок здесь не был таким непролазным, как вдоль реки.

Парень раздвинул перед собой ветви – и замер, не в силах пошевелиться, не в состоянии выдохнуть воздух, не слыша, как лупит о ребра сердце.

Перед ним серела небольшая лощинка меж скал. Тьма пятилась, отступала, неохотно позволяя разглядеть все, что происходило на траве меж валунов. Но Орешек предпочел бы кромешный мрак. Во имя Хозяйки Зла, да он в этот миг согласился бы ослепнуть!

В лощинке пировали Подгорные Людоеды.

Их было четверо. Четыре длинные голые фигуры, немного похожие на людей, но с маленькой головой и почти без шеи. Серовато-белесая шкура издали казалась кожей трупа, и вообще эти существа были похожи на мертвецов, удравших с погребального костра.

Время остановилось, воздух сгустился, звуки исчезли. В жуткой, вязкой тишине смотрел Орешек, как длинные лапы подносили к пастям куски окровавленной плоти. Челюсти Людоедов двигались не так, как у людей: верхняя была неподвижна, а нижняя ходила вправо-влево, как пила…

Что чувствовал Орешек в эти черные мгновения? Отвращение, ярость… но почему-то не было страха. Увиденное было слишком нереальным. Этот кошмар просто не мог иметь отношения к нему, Орешку. Юноша смотрел на откатившуюся к краю поляны человеческую голову с вырванной щекой и до боли сожалел, что у него нет меча…

Насытившись, чудовища разом поднялись с травы. Они были гораздо выше человека, двигались легко и бесшумно. Собрав остатки отвратительного пиршества в сетки, сплетенные из коры, они молча заскользили прочь – к счастью, не в ту сторону, где стоял Орешек.

Последняя серая спина исчезла в кустах. Тут-то и накатил страх. Ноги стали непослушными. Орешек мешком опустился в траву.

«О Безымянные, какой там меч! Подгорные Охотники говорят – эту шкуру клинок не пробивает… и сильные они, как силуранские медведи! Вот и был бы я сейчас в этих сетках, во всех четырех сразу… Гады, гады болотные, ублюдки Серой Старухи!..»

Черная брань беззвучно клокотала в горле, пустой желудок выворачивало наизнанку. Орешек заставил себя подняться на ноги. Через некоторое время он с удивлением обнаружил, что идет куда-то.

Орешек потряс головой, огляделся и понял, что опять притащился на поляну с драконом. Зачем притащился – неясно. Прибрел, как лошадь в стойло.

– Что ж, – сказал он негромко. – У меня здесь еще осталось дело. Надо попрощаться с гостеприимной рептилией, поблагодарить за кров, за ласку, за…

Фраза оборвалась, улыбка примерзла к лицу.

Из-за каменного чудовища появилось чудовище живое. Серый конусообразный силуэт возник из полурастаявших клочьев тумана.

К сожалению, Людоед не собирался исчезать, как туман. Был ли он из той проклятой четверки или бродил сам по себе – кушать ему явно хотелось.

А у Орешка сразу прошел шок, мускулы налились силой, голова начала ясно соображать. Хвала Безликим, он никогда не падал в обморок перед лицом врага… ну, в данном случае перед мордой врага.

Парень метнулся за большой валун, лежавший посреди поляны. Серый Людоед плавно скользнул к валуну и замер. Человек и чудовище молча смотрели друг на друга, взгляд в взгляд. Глаза у Людоеда были круглые, темные, без белка, время от времени на них опускалось прозрачное веко и тут же поднималось. На короткой шее, под маленькими ушами, виднелись две полосы. Орешек знал по рассказам, что это жаберные крышки, ведь эти твари живут в болотах… хотя одна Многоликая знает, где эта мразь нашла болота среди гор!

И все же насчет болота – это явно была правда. От серой твари расползался запах тины. Это был запах смерти, запах ненависти, чего-то нечеловеческого, чужого…

Казалось, прошла вечность, вихрь мыслей успел пронестись в голове замершего человека. Наконец хищник небрежно бросил вперед длинную лапу. Орешек успел заметить на ней перепонки, как у лягушки… И тут на пальцах вдруг выросли когти, увеличившие ладонь чуть ли не вдвое. Орешек шарахнулся в сторону, промахнувшаяся лапа лязгнула по камню, именно лязгнула, как нож или кастет. И вновь метнулась вперед. Орешек опять увернулся.

И начался смертельный танец среди обломков статуй. Хищник двигался молча, соплеменников на помощь не звал. То ли презирал жалкое человеческое существо, то ли не хотел, скотина голодная, ни с кем делиться добычей.

Поверженные, изуродованные идолы тупо таращились на разворачивающуюся трагедию. Не впервой им было видеть, как обрывается человеческая жизнь, как льется на траву кровь. Но на этот раз жертва оказалась шустрой и не собиралась покорно идти на заклание.

Людоед быстро и ловко бросал свое несуразное тело то вправо, то влево. Но Орешек не зря осваивал благородное древнее искусство, которое называлось карраджу – «смертоносное железо». Такая пляска с противником не была для него внове. Эх, еще бы меч сюда! Проверить, не врут ли Подгорные Охотники насчет этой мерзкой белесой шкуры!

Бросок влево… бросок вправо… и внезапно Людоед жабьим прыжком перемахнул через гранитную глыбу. Теперь между ним и человеком не было никакого препятствия.

Подхватив увесистый гранитный обломок, Орешек метнул его в ненавистную харю с плоским, точно раздавленным носом. Людоед уклонился от брошенного камня, на несколько мгновений замешкался, и Орешек успел, как лиса в нору, нырнуть в драконью пасть. Он рассадил колено о нижний клык, но даже не заметил этого, ужом скользя внутрь статуи.

«Не влезет, не протиснется, он крупнее меня…» – не то вслух, не то про себя шептал Орешек, как молитву.

Снаружи доносилось лишь легкое царапанье. Но запах, ненавистный гнилой запах становился все сильнее.

Каменная гортань понемногу расширялась. Сложившись почти вдвое, Орешек ухитрился развернуться головой к драконьим клыкам, чтобы враг не достал его сзади. И прямо перед собой увидел серую морду, на которой пятнами выделялись огромные зрачки. Как смог Орешек разглядеть это во тьме – просто непостижимо. Должно быть, от ужаса обострилось зрение.

Людоед медленно, но уверенно втискивался в пасть дракона, вытягиваясь, будто крыса, которой достаточно всунуть в щель голову, а уж тело как-нибудь пролезет…

Но если этот гад, притащившийся из трясины, надеялся, что человек оцепенеет от ужаса и покорно даст себя сожрать, то он сильно ошибался. Не знал он Орешка!

Не размышляя, словно действуя по заранее обдуманному плану, парень скользнул в щель для стока крови, кошкой выскользнул из-под драконьего брюха и метнулся к нише, где

когда-то был рычаг. С силой, которой он раньше в себе не подозревал, разбойник вырвал камень из ниши.

Челюсть дракона мгновение помедлила, затем упала с глухим чавкающим звуком. Клыки длиной в полтора локтя пробили насквозь Людоеда, который уже наполовину протиснулся в пасть.

Впервые Людоед издал какой-то звук – нечто среднее между вздохом и стоном. Нелепые серые ноги дернулись и замерли.

Орешек уронил в траву тяжелый камень и обессиленно прислонился к раскоряченной лапе статуи. Над его головой мрачно смотрел на мир круглый драконий глаз. Парень поднял руку и нежно погладил ощеренную морду, стирая с нее росу.

– Ну, дружище, – сказал он негромко, – ты получил свою последнюю жертву, правда?

Он тряхнул головой и стал прежним жизнерадостным Орешком. Сказалась аршмирская выучка: «Тоска хуже смерти! Держи выше голову в любую погоду!»

– А что, – продолжил он, обращаясь к статуе, – я ведь, пожалуй, уже рассчитался с Хозяйкой Зла за находку? Она мне – поясок, а я в передрягу вляпался, чуть не погиб! Вроде все честно – а, красавчик зубастенький?

Каменный монстр не поддался на лесть. Он глядел непримиримо и хмуро, словно хотел сказать: «Плохо ты знаешь Серую Старуху, человечишка! Она ни с кем не рассчитывается честно!»

Однако в тот миг трудно было испортить настроение гордому истребителю Подгорных Людоедов.

– Я пошел, – сообщил он дракону. – А то еще набежит толпа скорбящих родственников, придется мне им слезы утирать да валежник для погребального костра собирать… Или у них другие обычаи? Может, тут принято кушать дорогого покойника, чтобы добро зря не пропадало? Не знаешь? Я тоже. И знать не хочу!..

9

Когда солнце поднялось над лесом, Орешек был уже далеко от недоброй поляны. Чем дальше он уходил, тем нереальнее казалось пережитое. Если сначала лучи солнца, играя в росе, напоминали ему о кровавых пятнах на траве в той проклятой ложбинке, то вскоре он уже думал лишь о том, как отыскать в этой глуши еду и воду. И когда подлесок расступился, а журчанье ручья музыкой отозвалось в сердце, Орешек с радостным криком упал на колени и зачерпнул пригоршней воду. Солнце сверкало и дробилось в потоке, но вода оказалась такой ледяной, что перехватило дыхание.

Утолив жажду, Орешек почувствовал, как устал и замерз. Он вышел на маленькую прогалину, подставил тело, покрытое ссадинами и синяками, под горячие лучи и чуть не замурлыкал от удовольствия.

«Подумаешь, Подгорные Твари! – бодро и нахально размышлял он. – Жаль, меча не было, а то бы я ему… А можно было сказать ту фразу… волшебную».

Память послушно откликнулась: речной берег, торчащая из дорожного мешка голова «гусеницы» с гребнем-топором и тонкая палочка, выводящая на песке слова – с виду бессмысленные, но исполненные тайной силы…

«А, правда, почему не сказал?.. Да как-то и не подумал об том! Ну и ладно, все равно Аунк предупреждал: только в самом крайнем случае! А здесь какой же крайний случай? Поплясал немного, как в Поединке Мастерства. У меня в жизни было и похуже кое-что. Два раза…»

Улыбка сползла с лица. Орешек закусил губу. Много всяческих передряг он пережил и выбросил из головы, а от этих воспоминаний никак не мог избавиться.

В детстве хозяин пригрозил его продать. До сих пор больно, когда встает в памяти потрясенный мальчишка, вокруг которого рушится мир. Хозяина давно рядом нет, да и понимаешь теперь, что никому бы он тебя не продал, просто припугнул под горячую руку. А память о пережитом ужасе жжет, как незаживший шрам на душе.

Зато второй случай… тут уж не только на душе шрамы остались. И не в том дело, что в Бездну заглянуть пришлось, это бы ничего: выжил – и хвала богам! Нет, все вместе сплелось: и страх смерти, и унижение, и лютая боль, и полная беспомощность, бессилие перед чужой волей. За всю жизнь он ни разу так не чувствовал себя рабом, как в тот проклятый аршмирский полдень…

Вей-о-о! Хватит над собой издеваться! Два года с тех пор прошло, а он все пережевывает свое страдание, как корова жвачку…

Кстати, о жвачке – пожрать бы чего-нибудь! Ну-ка, пороемся в памяти: что в этом неприятном лесу можно найти такого, чем точно не отравишься? Про грибы лучше забыть, ветки глодать неинтересно… тогда что? Пра-авильно, щавель! Известно, как он выглядит и каков на вкус. Остается мелочь – найти его. Кажется, растет на открытых полянах, под солнышком… или это говорилось про дикий лук?

Бродяга сделал несколько шагов по прогалине – и остановился. Мысли о еде вылетели из головы. За деревьями виднелось нечто большое, фиолетовое – цвет для лесной чащи совершенно неожиданный.

Осторожно, с тревогой в сердце двинулся Орешек меж стволами. Подлеска тут почти не было, и парень издали сумел рассмотреть стену большого шатра.

«Вот ты и вышел к людям, приятель. Прими поздравления. Дальше что?»

Орешек залег под берегом ручья и стал выжидать. Тишина. Листва, конечно, шуршит, но ни звука голосов, ни ржания лошадей, ни звяканья котелков и прочей дорожной утвари… даже дымом не тянет, хотя ветерок как раз в его сторону…

Наконец парень не выдержал, осторожно двинулся к загадочной стоянке. И сразу понял, что произошло здесь ночью. Да и что ж тут не понять? Фиолетовый шатер, принадлежавший, видимо, богатому купцу, остался цел, но навес из ветвей, под которым, вероятно, ночевала охрана, опрокинут и смят. Поляна истоптана сапогами и копытами, у входа в шатер земля побурела от крови, а на холодной золе кострища – Орешка даже передернуло от омерзения – четко отпечатался след огромной босой ступни с перепонками меж пальцев.

Уже не таясь, разбойник обошел стоянку. Ну ладно, лошади разбежались… а где тюки с товарами? Тоже разбежались? Говорят, что Подгорных Людоедов вещи не интересуют, только жратва… Может, потом сюда заглянули люди… ну… вроде него, Орешка… и помогли товару разбежаться? А может быть (при этой мысли парень просиял), купец вез что-то небольшое, но ценное – скажем, золото и камешки? Что, если сокровище отдыхает в шатре и дожидается заботливых рук Орешка?

Солнце скрылось в набежавших облаках, верхушки деревьев запели очень неприятную песню. Парень поежился и нырнул в шатер.

Хорошо путешествовал купец! С удобствами! Ложе из шкуры черного медведя, два светильника, тонкой работы плетеный дорожный сундучок, даже небольшое серебряное зеркало. Заглянув в него, Орешек узрел заросшую щетиной, искусанную комарами морду. М-да, в таком гриме хорошо играть пирата, злодея-мятежника… или разбойника, каковым он, кстати, и является. А ведь в театре его приучили следить за своей внешностью!

Вздохнув, парень продолжил осмотр. Рядом с ложем – аккуратно сложенная одежда. Господин уже изволил отойти ко сну, когда эти невоспитанные Людоеды его побеспокоили.

Шевельнулось сомнение: а купец ли то был? Торговцы – народ тертый, привыкший к неожиданностям. Они на ночь не раздеваются. И зеркала с собой не таскают.

Додумывал Орешек эту мысль, уже расстегивая свой пояс и ныряя в рубаху. Нежная, светлая, из льняного полотна, она тонко благоухала ландышами. Ой, не торговец ее носил! Может, владелец ближайшего замка решил развлечься охотой? Ну да, с двумя-то светильниками, с зеркалом?.. Нет, все-таки купец, изнеженный мальчик из богатого Рода, впервые отправившийся в дальнюю дорогу, не успевший набраться опыта – теперь уже и не наберется, бедняга. Но рубаха – это здорово! Даже солнцу и ветру Орешек стыдился показывать свою исполосованную спину.

Насвистывая, молодой разбойник натянул штаны, застегнул поверх рубахи серебряный пояс и с удовольствием взялся за сапоги – мягкие, высокие, с серебряными пряжками на подколенных ремнях.

Хорошая обувь была его слабостью. Орешек тщательно затянул ремни на икрах и притопнул, радуясь, что обувка пришлась впору.

– Там, где я воспитывался, – высокомерно сказал он, обращаясь к зеркалу, – босиком не ходили даже рабы!

Отражение ответило неприятной гримасой. Ну и рожа! Хорошо бы найти бритву…

Бритва отыскалась в плетеном сундучке с дорожными вещами. Там обнаружилась также серебряная фляжка с ароматным настоем трав, который освежил кожу и унял зуд от комариных укусов. Водя бритвой по щеке, Орешек весело прикидывал, что за все эти мелкие предметы роскоши можно в ближайшем городе – как бы он ни назывался – выручить неплохие деньги. А пропавшие товары – ну их к Хозяйке Зла! Возись с ними, ищи, кому сбыть… влипнешь, как в трясину. Не стоит зарываться. Одет он вполне прилично, еще бы меч добыть, а там можно осуществить давнюю мечту – податься в наемники. Боец он хороший, такого примет любой бродячий отряд…

Бритье подходило к концу, когда по шатру забарабанил частый крупный дождь. Вытерев бритву и бросив ее в сундучок, Орешек прямо в сапогах растянулся на роскошной чер-

ной шкуре. Надо было, конечно, перерыть шатер в поисках чего-нибудь съестного, но усталость навалилась, одурманила… Сейчас, сейчас, он только немножечко полежит…

Как вовремя подвернулась крыша над головой! Правильно говорят в Аршмире: «Даже невезение устает таскаться за человеком по пятам».

Говорят в Аршмире… в Аршмире…

Дремота склеила ресницы. Шум дождя превратился в шорох прибоя, в него вплелись крики чаек. Орешка окликнуло море – такое, каким его впервые увидел семнадцатилетний парнишка…

* * *

Вей-о-о! Веселый город Аршмир!

Орешек был потрясен и оглушен, словно крестьянин, впервые выбравшийся в город. А ведь он вырос в столице! Жизнь в Тайверане Великолепном казалась такой размеренной по сравнению с этим ураганом из ругани стражников, зазывных криков купцов, причитания нищих, протяжных воплей водоносов, перебранки бродяг, визга проституток, веселой переклички портовых грузчиков… А над всем этим – резкие голоса чаек, дерзких, жадных, вырывающих у людей еду из рук, растаскивающих улов из рыбачьих лодок. И запах – неистребимый, пропитывающий все запах рыбьей требухи, морской воды, гниющих водорослей…

Новый порт был сердцем и душой Города Волн, он дружески принял юношу в свои объятия. В горячую пору ни одна пара рук не была лишней. Пристань походила на разворошенный муравейник. Товары сгружались с кораблей и переправлялись на склады, обступившие порт; там они вьючились на телеги и готовились к дороге в десятки городов и сотни деревень Великого Грайана и дальше – в сопредельные страны. Живыми ручьями бежали по сходням на берег люди с тюками на плечах. Работа находилась для каждого. Правда, платили за нее медяки, а подчас случалось трудиться и за кормежку. Но глубокая миска каши с густой мясной подливой и горячая, тут же, на пристани испеченная лепешка вполне позволяли весело смотреть на жизнь. А здесь это было главным! Именно в Аршмире родилась пословица: «Удача бежит от кислой рожи». Любой аршмирец с детства привык загонять тоску в самые глухие уголки души и крест-накрест заколачивать ее там досками. Что бы ни стряслось, улыбайся! Подыхай, но смейся! Пропадай, но пой!..

Неожиданно Орешек понял, что ему нравится этот водоворот, кружащий торговцев, жуликов, грузчиков, нищих, матросов, ремесленников, шлюх, скупщиков краденого, бродячих актеров, шулеров, уличных гадальщиков… Самый легкомысленный, беспечный и жизнерадостный город Великого Грайана усыновил легкомысленного, беспечного и жизнерадостного паренька. Город Волн лепил душу юноши на свой образец, лепил грубовато и любовно…

Деньги, правда, у Орешка исчезли в день прибытия в город. Помимо прочего, Аршмир считался столицей воров…

Работа была не в тягость здоровому семнадцатилетнему парню. Он окреп, раздался в плечах, походка стала упругой и уверенной (побегай-ка по мокрым пружинящим сходням с грузом на плечах!). Ночевал он вместе с другими грузчиками в порту, в бараке. Народ в ватаге подобрался буйный, часто вспыхивали потасовки. Пришлось научиться драться, а заодно и нож в руках держать. Один новый приятель, человек тертый и бывалый, обучил Орешка бросать нож в цель, а заметив у парнишки меткий глаз и твердую руку, показал, как перехватывать в воздухе летящий в лицо нож, – фокус, который мог удивить даже аршмирца. Орешек был в восторге, упражнялся, как сумасшедший, чуть не потерял ухо, но освоил трюк.

Тогда же встретил Орешек и первую свою любовь – смешливую, голосистую девчонку из Отребья. Она твердо знала, что замуж ей не идти (для брака нужно имя, а не кличка пор-

товая!), а потому разбрасывала свою молодость горстями, как золотые монеты. Ее кожа, прохладная даже в жару, пахла морем, рыжие волосы вечно лезли ей в глаза, она отбрасывала их веселым дерзким жестом. Она терпеть не могла разговоров о любви, ее жадные, требовательные губы обрывали разглагольствования Орешка, а молодое, гибкое тело раскачивало парня в шальном любовном прибое, возносило к небесам…

Однажды она не пришла на свидание – исчезла, растворилась в кипящем котле Аршмира. Бедный юноша решил, что отныне всю жизнь будет безутешен. И он действительно грустил – дня два. А на третий сделал потрясающее открытие: оказывается, Рыжая – не единственная девчонка на свете!..

Так прошел Поворотный месяц, пробежал Звездопадный, прокатился Щедрый. А Серый месяц притащился с тяжелой ношей: он принес туманы и дожди, на подходе были зимние шторма. Лишь самые отчаянные капитаны рисковали еще выходить в море. Рейд опустел. Новый порт затих. Присмирели даже чайки, тоскливо бродили вдоль полосы прибоя, не обращая внимания на людей.

Скоропортящиеся товары давно были отправлены в дорогу, а прочие лежали на складах, ожидая установления санного пути. Тут-то и выяснилось, кто в Новом порту хозяин. Семейства портовых рабочих, передающие ремесло от отца к сыну, быстро и умело выжили всех чужаков. Как растолковали Орешку, делалось это каждую осень, а тот, кто пытался протестовать, рисковал не дожить до следующего торгового сезона.

Говорят, что в Городе Волн умирают от голода только дураки. Орешек принял это к сведению и повнимательнее огляделся по сторонам.

В Аршмире был и Старый порт, но умные люди отсоветовали парню туда соваться. Там прочно обосновались полсотни рыбачьих Семейств, известных своим недоверием к чужакам. Любой, кто забредал в эти места (хотя бы из чистого любопытства), вполне мог покинуть порт в бочке с рыбьей требухой и чешуей.

Широкая полоса складов – город в городе – не принесла парню удачи: опытные люди заранее позаботились о работе для себя, а лишние руки (и лишние рты) купцам не требовались. За складами теснились лачуги – ну, там и вовсе искать было нечего, там все и сами каждое утро крепко думали, что будут кушать на обед… Дальше, дальше! В Аршмире это называлось «двигаться от чаек к воронам». Сердитые, крикливые чайки хозяйничали в припортовой полосе, но чем дальше от моря, тем прочнее становилась власть ворон – наглых, сильных, злющих. Любая птица, отбившаяся от стаи и залетевшая на чужую территорию, могла быть насмерть забита крепкими беспощадными клювами.

И Орешек направился «к воронам». В Аршмире действовало правило: чем дальше от порта расположен дом, тем он дороже и тем богаче живущие там господа. Вот где можно поживиться, знай не зевай!

Спросили некоего мудреца: «Почему король не сделал Аршмир столицей Великого Грайана?» И ответил мудрец: «Потому что аршмирцы растащили бы по камешкам королевский дворец».

Злые языки утверждают, что нет такого аршмирца – от Хранителя города до последнего раба, – который хоть раз в жизни не украл бы. Люди более снисходительные готовы признать, что и в Аршмире можно встретить честных горожан. Скажем, двоих или даже троих.

Пытался воровать и Орешек. И ничего, удачно. Может, и привык бы к этому занятию, да увидел однажды, как купцы на рынке без стражников и судей разобрались с пойманным за руку воришкой. Полученного урока Орешку хватило надолго. А тут как раз подвернулся честный способ заработать.

Хранитель Аршмира, высокородный Ульфанш Серебряный Корабль из Клана Спрута, Ветвь Щупальца, слыл покровителем искусств. Следуя наррабанской моде, подхваченной в столице, он завел в Аршмире театр: просторное каменное здание, где постоянная труппа

разворачивала перед зрителями торжественное, красочное зрелище – ожившие легенды бурных Огненных Времен. К этой труппе и прибился Орешек. Сначала был на побегушках у актеров, переписывал для них роли, затем стал появляться на сцене в толпе воинов, рабов, разбойников, мятежников.

Симпатичного юношу с хорошей памятью заметил великий артист Раушарни Огненный Голос, который гордо именовал себя Хранителем театра и был вечно окружен толпой подхалимствующих мелких актеров. Он повелел своей свите:

– Эй вы, лицедеи! Возьмите это украшение пристани, вытряхните у него из волос чешую и научите приличным манерам! Возможно, из парня выйдет толк… когда выветрится запах тухлой рыбы!

Чутье не подвело Раушарни: новичок и впрямь оказался способным. Вскоре он дебютировал в небольшой роли пирата Грангара, захваченного в плен отважным Оммукатом Медным Копьем. По этому поводу труппа закатила пирушку, а Раушарни торжественно заявил:

– Если актер шагнул на сцену, убрать его оттуда уже невозможно – проще разрушить театр!

Как выяснилось через два года, это он напророчил на свою голову. Но в тот день Орешек беззаботно пил вино, тискал сидящую у него на коленях кудрявую артисточку и не подозревал о беде, что однажды обрушится на него, выхватит из веселой и безалаберной актерской жизни, вихрем унесет из Аршмира и забросит в разбойничью шайку…

* * *

В лесу неподалеку заржала лошадь. Орешек вскинул голову, насторожился. Одна из тех, что отвязались и убежали? Или…

Вей-о! Совсем рядом перекликались голоса! Парень вскочил на ноги, схватил сложенный плащ и ящерицей юркнул из шатра.

Ударил холодный ветер, дождь заморосил сильнее, вдали медленно, словно нехотя, раскатился гром. Не сводя взгляда со стены деревьев вокруг шатра, Орешек расправил плащ, набросил его на плечи и на ощупь застегнул застежку, вшитую в плотную материю. В тот миг ему и в голову не пришло, что этим движением он подписывает себе смертный приговор – самый жестокий в Кодексе законов Великого Грайана.

Затрещали ветки – сквозь чащу вдоль ручья ломились всадники.

Аунк учил встречать опасность лицом к лицу? Не-ет уж, хватит с Орешка на сегодня! Навстречался! Нигде не записано, что он обязан вечно следовать чужим советам!

Не давал он такой присяги! У него своя голова есть! И эта голова хочет оказаться как можно дальше отсюда – желательно вместе с руками, ногами, задницей и прочими частями тела, привычными и родными!

Ходу отсюда, ходу! А тот, кто захочет назвать Орешка трусом, должен будет сначала его догнать!

Обо всем этом парень думал уже на бегу. Он скатился с берега к воде, вброд перешел ручей и поспешил укрыться в зарослях чего-то колючего и непролазного. Плащ теперь мешал, цеплялся за шипы, но Орешек не терял времени на то чтобы возиться с застежкой, а брел напролом. На пути встала высокая голая скала, кустарник разбивался об нее, как морские волны об утес. Парень заметался, пытаясь обойти преграду, непонятным для себя образом вновь оказался у ручья, перемахнул его одним прыжком. Страх заячьими лапами барабанил в груди.

Берег разворотили корни упавшей сосны. Может, она укроет от погони?

Разбойник обогнул гигантскую глыбу земли, корней и мха… и обомлел.

Прямо в лицо ему смотрела лошадиная морда.

Молодой, звонкий, ликующий крик огласил лес:

– Он здесь! Он жив, все сюда!

Соскользнув с седла, всадник упал на колени прямо на сырой от дождя мох, подхватил край мокрого плаща Орешка и поднес ко лбу.

А Орешек не мог шагнуть прочь, не мог даже отшатнуться от счастливого юнца. Взгляд разбойника был прикован к поле плаща, которую сжимал этот сумасшедший. На темной от влаги материи красовался вышитый разноцветными нитками сокол со сложенными крыльями и надменно повернутой головой.

Вей-о-о-о-о!

Шатер принадлежал высокородному Сыну Клана! Только они, гордые потомки Двенадцати, имели право носить на одежде изображения священных животных и птиц, дабы отличаться от низкого сброда.

Плащ, наброшенный на плечи, делал Орешка государственным преступником. Самозванцем и оскорбителем святыни. И не было ему оправдания. Да и что он смог бы сказать в свою защиту? Что не знал, чей шатер грабил?

Но в этот страшный миг Орешек не думал о каре, которая ему угрожала. Он был слишком потрясен – потрясен так, словно боги заговорили с ним, обвиняя в святотатстве. В голове сталкивались обрывки молитв и проклятий. А ведь еще недавно он хладнокровно и мужественно отражал нападение Подгорного Людоеда! Но сейчас сознание своей неискупимой вины раздавило, уничтожило парня.

А из чащи выныривали и спешивались все новые всадники, вспыхивали и гасли негромкие слова:

– И впрямь уцелел! Хранили же боги…

– Ты глянь – глаза мертвые, лицо серое…

– А ты, дурень, какого цвета был бы, кабы в такую передрягу угодил?

– А остальные? Так всех и сожрали?

– Заткнись, дубина, услышит…

– Я – Сайвасти Осенний День из Семейства Саджата, десятник гарнизона крепости Найлигрим. Приветствую высокородного господина, счастлив видеть его невредимым. Сейчас Сыну Клана подадут коня, чтобы Сокол мог отправиться в крепость, где нового Хранителя ждут с надеждой и тревогой. Мои люди свернут шатер, соберут вещи и… Господин! Ты слышишь меня, господин?!

Господин слышал десятника. Во всяком случае, лицо на голос повернул. А когда один из воинов подвел лошадь, ему не пришлось объяснять Сыну Клана, что на этом животном ездят. В седло Сокол взгромоздился почти без посторонней помощи.

Гнедая заплясала, почуяв неумелого всадника. Седоку пришлось натянуть поводья. Это движение помогло Орешку выйти из шока. Вылепилась из хаоса первая связная мысль: «Лошадь – это хорошо! Рвануть во весь опор вдоль ручья – и пусть ловят!» Но тотчас в мозгу зазвучало холодно и насмешливо: «Умница, сообразил! Здесь десяток солдатских морд, у всех арбалеты на взводе – они же ожидают нападения Подгорных Тварей! Решат, что гнедая под господином понесла, пристрелят бедную лошадь – вот и весь побег!»

Ни на миг у Орешка не возникло желания рассказать всю правду. И даже не потому, что был он беглым разбойником, обобравшим чужой шатер. Просто сказанное не смогло бы послужить ему оправданием. Он совершил – плевать, что по неведению, – одно из самых мерзких преступлений. Знаки Кланов – святыня для всех, от короля до последнего раба. Однажды в жизни Орешек проявил неуважение к этим знакам – всего лишь неуважение – и чудом остался жив…

Как ни странно, воспоминание о прошлом кошмаре помогло победить кошмар нынешний. Голова прояснилась. С кристальной четкостью стало ясно: чтобы остаться живых, придется увязнуть в этой истории еще глубже. По самые уши.

Мелькнуло спасительное: ведь и раньше Орешку доводилось выдавать себя за других людей, в том числе и за высокородных господ: на сцене! Правда, даже в роли Сына Клана он, конечно, не надевал одежды со священными знаками…

И все-таки это лишь спектакль, очередной спектакль… хотя в случае провала актер погибает.

Да, но кто говорит о провале?!

Орешек приосанился, чуть откинулся в седле. Страх почти исчез. Играть роль – любую – дело привычное! Этим болванам нужен Сын Клана? Они его получат! Конечно, лишь до тех пор, пока не подвернется случай удрать…

Но до чего изобретательна Хозяйка Зла! Ух, что она для него измыслила… ух, сунула мордой в трясину! Ни о чем подобном в Грайане давно никто не слыхал…

Никто и не услышит! Уж об этом-то он, Орешек, позаботится!

Дорогая цена за поясок, дорогая… Кстати, если пояс предупредил о Подгорных Людоедах, почему на этот раз сплоховал? Не потому ли, что всадники приближались без злых намерений?

Орешку вспомнилось, как легкомысленно брякнул он в той проклятой пещере: «Что же Многоликая обо мне не позаботилась? Я б ей спасибо сказал…»

– Ну, спасибо! – негромко промолвил Орешек. – Ой, спасибо!

Десятник Сайвасти вскинул голову, принял слова господина на свой счет и польщенно заулыбался.

Вскоре русло ручья отклонилось к югу, а перед всадниками вынырнула из кустарника узкая горная тропа. Неровная и каменистая, она заняла все внимание верховых и отвлекла Орешка, весьма скверного наездника, от лишних мыслей. Он совсем успокоился к тому времени, когда тропа, вильнув, влилась в широкую дорогу, на которой вполне могли бы разминуться две телеги. По обеим сторонам дороги вгрызлись в камень могучие темные ели. Дождь прекратился. Орешек откинул капюшон, поднял голову.

Горная гряда, пересекавшая впереди дорогу, плавно перерастала в грозную зубчатую стену. Это впечатляло: вековая мощь скал, помноженная на мощь укреплений, возведенных человеческими руками. Четыре башни четко вырисовывались в небе, а над ними аркой стояла такая большая, такая яркая радуга, что Орешек тихо воскликнул: «Вей-о-о!»

– Добрая примета, – тихо сказал кто-то из солдат, а другой отозвался:

– Это здесь часто бывает…

Так открылась перед новым Хранителем крепость Найлигрим – Ворота Радуги.

10

Комната, некогда уютная, была беспощадно разгромлена. Пышные драпировки, исполосованные кинжалом, свисали лохмотьями, жалкими, как рубище нищего. Словно ураган размел по углам пергаментные и бумажные свитки, а полка красного дерева, на которой они еще недавно красовались, была разнесена в щепки, и щепки эти разлетелись по светлому ковру. В углу грудой лежали обломки кресла. Похоже, оно было брошено в старинные водяные часы, но пролетело мимо и разбилось о стену. По чудом уцелевшему сплетению стеклянных трубочек продолжала бежать розовая жидкость, почти наполнив нижнюю чашу.

И еще один предмет уцелел от разгрома. Великолепное зеркало продолжало сиять, отражая комнату, в которой только что бушевала разъяренная стихия… а также саму «разъяренную стихию» – высокого статного человека с растрепавшимися черными волосами, свирепо озирающегося в поисках еще чего-нибудь, что можно расколошматить.

И самым краешком зеркало отразило длиннорукого коротышку, который в ужасе прислонился к дверному косяку, стараясь не подавать признаков жизни.

Шайса никогда не видел таким господина, которому служил восемь лет.

«Безымянные, что могло случиться… что случилось? Да он ли это? Шерсть на загривке дыбом и все клыки в пене!..»

Словно прочтя его мысли, Джилинер оглянулся. Тонкие черты лица были искажены гримасой, губы подергивались, но из взгляда постепенно уплывало безумие, оставляя после себя боль и горечь.

– Ты опоздал, – сказал маг севшим голосом, – опоздал к началу представления. Много потерял.

Он обернулся в поисках кресла, наткнулся взглядом на кучу обломков и криво усмехнулся.

Шайса рухнул на колени, вскинул ко лбу скрещенные запястья.

– Чем могу я служить своему господину?

– Встань, – устало отозвался Джилинер. Он быстро становился прежним. – У меня выдался скверный день… вернее скверные четверть звона.

– Кого я должен убить за это?!

– Если и убьешь, то не сейчас… О, часы уцелели! Это хорошо. Они живут в моей семье второе столетие, жаль было бы разбить их в припадке злобы. И зеркало я не тронул – тоже хорошо.

Мозг Шайсы раскаленной иглой пронзила страшная догадка.

– Шар… Большой Шар… Что с ним?! Он…

– Думай, что говоришь! – напряженно откликнулся чародей. – Да я скорее глаза себе вырву, чем причиню ему вред. Вон он, в углу, под покрывалом…

Шайса протяжно вздохнул – как смертник, узнавший об отмене приговора.

Джилинер повернулся к зеркалу и всмотрелся в собственное лицо, точно пытаясь разглядеть за ним что-то иное, ускользающее, враждебное.

– Я попытался поработать с драконом, – заговорил он холодно и отстраненно. – Сильный старый ящер, послушался меня с первой попытки. Я вытащил его через врата в Соленых скалах – это неподалеку от Ашшурдага – и вел над побережьем. Хотел перехватить купцов, но на ходу изменил задание. Уж очень удачный случай подвернулся…

Он круто обернулся к Шайсе. Голос его стал напористым и азартным:

– Вдоль берега полоса рифов, называется – Акульи Зубы. Ветер и течение прижали к ним корабль. Понимаешь, все сошло бы за обычное крушение, а я установил бы, сколько

свободы можно оставить животному, с какой силой нужно давить на его мозг… ведь жертва все равно никуда бы не делась… Нет, словами не передать!.. Поди сюда!

Шайса без колебаний шагнул к хозяину. Он терпеть не мог испытывать чары на себе, но господину возражать всегда было опасно, а уж сейчас-то…

Тонкие холодные пальцы легли на виски, Шайса почувствовал легкое головокружение – и в его мозг ворвался рокот.

Это было странное ощущение: Шайса раздвоился. Он видел серую кожистую тварь с распластанными перепончатыми крыльями, парящую над злобной темной водой (причем между ним и драконом сверкало зыбкое, едва уловимое марево – поверхность зеркала). И в то же время он сам был драконом: ловил воздушные потоки, чуть покачивался на холодных, упругих невидимых струях и прикидывал, как удобнее ринуться вниз – туда, где на обреченной палубе суетились матросы. Зрение у чудища было скверное, человеческие фигурки расплывались в дрожащем тумане (к тому же были серыми – глаз дракона не различал цветов). Но все же чудовище углядело матроса, в панике кинувшегося за борт. Остальные, кажется, тоже побросали снасти… а корабль тащит на рифы… вот сейчас и обрушится сверху…

Нет, все-таки драконом Шайса не стал, хоть и взглянул на мир глазами крылатой рептилии. Он думал и чувствовал как человек, у которого в руках страшная, смертоносная игрушка, лучшая игрушка в мире, послушная приказу, не знающая сомнений и жалости, и вот сейчас, сейчас…

И вдруг все кончилось, оборвалось резко и грубо. Чья-то мощная воля выхватила у него «игрушку». Шайса на миг задохнулся, точно его ударили… нет, отшвырнули прочь, как котенка. Серебристый блеск зеркала стал нестерпимым, резал глаза. Шайса с трудом мог разглядеть, как дракон, нелепо взмахивая одним крылом, заваливается на левый бок и падает в свирепую пучину, как бьют его о скалы волны… а затем все исчезает, остается только горькая обида, и боль, и желание разнести в пыль все вокруг, столкнуть в Бездну мир, так подло обманувший и унизивший… Руки сами, без приказа мозга, накрывают Шар тканью и убирают в угол, это делает словно другой человек, а злоба подступает к горлу и душит, ищет выхода…

Шайса опомнился. Он вновь стоял на пушистом ковре. На него сверху вниз глядел хозяин, лоб которого прорезала длинная морщина.

– Я нашел его, – с отвращением выплевывал слова Джилинер. – Сопляк пятнадцатилетний… верховая прогулка вдоль берега… Представляешь, он сознание потерял от такого усилия!

– Кто – «он»? – робко просипел Шайса.

В ответ услышал негромкое, раздельное:

– Архан Золотой Пояс… Из Клана Медведя… Ветвь Берлоги…

И вновь – вспышка гнева:

– Шайса, змей ты мой ручной, ты понимаешь, что происходит? Я развивал и оттачивал свою Силу, свой великий Дар посвятил этому всю жизнь! Я создал Большой Шар, многократно увеличивающий мое могущество! Я знал, что я самый сильный чародей в мире! Ни среди Истинных, ни среди Ночных Магов нет мне равного! Мы же с тобой столько лет следили за всеми потомками Двенадцати в Грайане и Силуране… ты нанимал шпионов, подкупал прислугу, я часами не отходил от зеркала… мы знали о каждом, кто может хотя бы пустой бокал по столу взглядом передвинуть… хотя бы приказать свече погаснуть… И вдруг какой-то гаденыш, мальчишка… одним усилием воли перехватывает у меня власть над драконом! Как будто не было ни моих походов в Подгорный Мир, ни Большого Шара! Мысленно дотянулся, пожелал – и все! Ты соображаешь, кто из него со временем вырастет? Второй Шадридаг Небесный Путь? Не позволю!.. Не дам!..

Тут Шайса наконец все понял – и молча проклял свою слепоту и тупость.

Впервые перед ним приоткрылась вечно запертая дверца в душу господина. Первый и, вероятно, последний раз ему предоставилась возможность узнать, что составляло суть этой грозной, недоброй души.

Джилинер Холодный Блеск из Клана Ворона, Ветвь Черного Пера, был равнодушен к женщинам, к еде, к вину, к золоту, к славе. Власть манила его, но не была целью жизни. Тяга к знаниям, полностью поглощавшая многих ученых и магов, была для него лишь инструментом в точных, аккуратных руках.

Важнее всего для него была сама Сила. Джилинер должен был твердо знать, что он – самый могущественный чародей на свете. Магия была его единственной любовью, и терпеть соперников было невыносимо. Когда Ворон в припадке ярости громил свой кабинет, в нем бушевала самая обычная ревность, неразумная ревность юнца, заставшего возлюбленную в постели с другим…

Все это Шайса осознал в мгновение ока. И еще он понял, что хозяина нужно срочно успокоить и утешить.

При необходимости Шайса мог говорить хоть и сипло, но гладко и цветисто:

– Пусть мой господин вспомнит, что юный Сын Клана потерял сознание от напряжения, а мой хозяин не только не рухнул в обморок, но нашел в себе достаточно сил, чтобы переломать всю мебель.

– Что ты понимаешь в магии! – хмыкнул Джилинер.

– Только то, что знаю со слов моего хозяина. Мальчишка наверняка до смерти перепугался, увидев живого дракона. А мой господин говорил как-то, что сильные чувства, особенно страх, усиливают мысленные приказы.

– Да, это так… – задумчиво протянул Ворон. Шайса, заметив свою крошечную победу, поспешил ее закрепить:

– Да будь этот Медвежонок и впрямь силен, как сам Шадридаг… Сколько ему лет? Пятнадцать? Ну что в этом возрасте можно знать о колдовстве?.. А пока он подрастет, мой хозяин уже станет спасителем мира, грозным и любимым повелителем. И такие, как Архан, будут служить ему… Да, господин, а корабль уцелел? – Шайса сменил тему, чтобы отвлечь мага от опасных мыслей.

– Корабль? – непонимающе переспросил Джилинер. – Ах корабль… а знаешь, я о нем совсем забыл. Обязательно надо выяснить, остались ли в живых матросы, будут ли они распускать слухи.

Хозяин стал почти прежним. Он скользнул по разгромленной комнате насмешливым взглядом.

– Ох и намусорил же я… Впрочем, я звал тебя не для того, чтобы плакать на твоем плече. Помнишь белокурого красавчика из свиты Нуртора? Аудан Гибкий Лук, Правая Рука короля Силурана… Он начал всерьез мешать мне: советует королю не доверять Ночному Магу, не развязывать войну… Короче, если с Ауданом в ближайшее время случится несчастье, я не сойду с ума от горя. Этот человек мне совсем не нужен… Что ты молчишь?

– Подсчитываю, сколько дней мне понадобится, чтобы переправиться через Лунные горы и добраться до…

– Нет! Этой ночью Айрунги хочет показать королю свое умение и окончательно решить вопрос о войне. Раз уж я не могу начать действовать в Грайане… раз уж меня держит клятва, принесенная королю и скрепленная могучими чарами… так хотя бы в Силуране никто ни на волос не должен помешать моим планам!

– Но как же я…

– Я тебе помогу. Я, конечно, не Архан, – зло усмехнулся маг, – но перебросить тебя через Лунные горы сумею. А уж обратно ты сам как-нибудь…

Шайса постарался унять дрожь в руках. Накатило томительное воспоминание: хозяин вскидывает перед собой руки – и над землей, почти касаясь травы, вспыхивает желтое кольцо Он, Шайса, собирается с духом и шагает в это кольцо. В глазах вспыхивает желтое зарево, тело наливается пульсирующей болью, кажется, что крохотные острые щипчики рвут его на мелкие кусочки… и все исчезает. Когда Шайса решается открыть глаза, то сквозь расплывающиеся радужные пятна видит голые скалы, в трещинах которых угнездился колючий дрок. Внизу глухо шумит море, а вдали, меж утесов, виден край зубчатой стены. Там лежит город, до которого надо было бы добираться не менее шести дней…

Ну не любит, не любит Шайса эти колдовские штучки! Но сейчас, ясное дело, не до капризов…

Хозяин сдвинул деревянный диск, украшенный спиральным узором, и повелительно произнес в открывшееся отверстие:

– Пусть кто-нибудь немедленно наведет порядок в комнате с зеркалом.

Вернув диск на место, Джилинер кивнул Шайсе и направился к двери, но на пороге замешкался. Глаза его сузились, брови сдвинулись: неожиданная мысль поразила мага.

– Если бы этот паршивец Архан был старше, я решил бы, что та давняя история – его рук дело.

– Какая история, господин?

– Ты не помнишь? Неужели… ах да! Это же было за год до того, как я приблизил тебя к себе… правильно, девять лет назад. Ты и не мог знать об этом случае. А мне он не дает покоя!

Джилинер шагнул было назад в комнату, но вид раскатившихся по полу свитков привел его в уныние.

– Ладно, потом найдешь и почитаешь, а пока скажу главное. Есть у меня запись, в хорошую сумму мне обошлась. Рассказывает Вьяшис Юркий Уж из Рода Хорчар, сотник дворцовой охраны короля Бранлара.

Шайса понимающе покрутил головой. Свидетельство такого человека и впрямь должно было стоить недешево.

– Начало у истории не совсем понятное. Якобы какие-то преступники похитили одну из королевских дочерей и в ожидании выкупа спрятали в заброшенной шахте неподалеку от Тайверана. Сам сотник в это не верит, но не может объяснить, как иначе принцесса могла в этой шахте оказаться… Ладно, важнее другое: случился обвал. По приказу Бранлара к шахте были согнаны крестьяне из ближнего села, со строившейся неподалеку дороги доставили рабов, даже стражники обломки камня растаскивали. Вьяшис как раз и наблюдал за ходом работ. Шахтный ствол оказался завален на всю высоту, приходилось поднимать наверх большие глыбы, дело двигалось медленно. Становилось ясно, что принцесса обречена. И тут в дело вмешался некто, оставшийся неизвестным. Он выпустил на волю Душу Пламени.

– Душу Пла… что-о-о?!

– Ты не ослышался! То, что в стародавние времена умел делать лишь Шадридаг Небесный Путь, повторил некий загадочный незнакомец. На противоположном от места работ склоне горы послышался чудовищный грохот, содрогнулась земля, люди видели взлетающие ввысь громадные камни… видели еще многое, но сотник не перечислял все, что померещилось насмерть перепуганным рабам, он излагал лишь то, чему сам был свидетелем. Как вскоре обнаружилось, часть горного склона сползла в реку и запрудила ее. Вскрылась старая штольня, по которой, когда улеглась паника, люди смогли добраться до принцессы. Девушка была без сознания, но жива.

– И не нашли того, кто…

– Бранлар, дабы пресечь слухи, объявил, что все происшедшее сотворено совместной магией Клана Дракона. Жалкая ложь! Они сами всем Кланом пытались доискаться, кто это повторяет подвиги Шадридага… А меня эта история просто измучила! Кто-то разнес гору

вдребезги, как я – свою комнату. И у этого «кого-то» хватает ума не бахвалиться могуществом. Он скрывается, выжидает… Не успокоюсь, пока не раскопаю нору этого гада и не вытащу его оттуда за хвост!

Джилинер знал, что Шайса не тупой исполнитель приказов, а самостоятельно мыслящий помощник, не раз подававший хозяину дельные советы. Вот и сейчас – прищурился, свел белесые брови, помассировал поврежденное горло…

– А не могла ли сама высокородная госпожа призвать на помощь чары?

– Нет, – презрительно ответил Джилинер. – Во-первых, я невысокого мнения о женщинах-чародейках. Во-вторых, это всего лишь незаконная дочь короля от одной из дворцовых рабынь. Бранлар дал ей имя и воспитал при дворе, а не то чистить бы ей котлы на кухне.

– Ну и что? – рассудительно просипел Шайса. – Из таких незаконных детей вырастают сильные Ночные Маги… Ох, да как я сразу не сообразил! Дочь дворцовой рабыни, которой Бранлар дал имя… Но разве это не Нурайна?

– Она, она самая! Я тоже слышал, что молодой король прислушивается к советам своей так называемой сестрицы… даже в государственных вопросах, хоть это и вовсе не бабьего ума дело. Но она не колдунья, иначе мои шпионы пронюхали бы об этом.

– Если мой господин и прав, в чем я по тупости своей сомневаюсь, то девушка все же играет в деле немалую роль. Что это за история с похищением, в которое не верит сотник дворцовой стражи? И потом… этот маг, кем бы он ни был, разорвал гору не там, где шли спасательные работы, а со стороны реки – вскрыл старую штольню – значит, знал там все ходы-выходы… а много ли народу шляется по заброшенным шахтам?

Джилинер остановил на своем подручном пристальный взгляд.

– Ты умен, Шайса. В новом мире, который я выстрою по воле своей, ты будешь не последним человеком. Вернешься из Силурана – попробуй разгадать эту загадку. А сейчас спустимся во двор. Ты и ахнуть не успеешь, как очутишься за Лунными горами!

Он двинулся нешироким темным коридорчиком, продолжая говорить:

– И шпионов к Архану, это обязательно! Ни единого шага его без надзора не оставлять!

Коридорчик вывел их в круглый зал с большим очагом в стене. Несмотря на летнее время, очаг недавно топился, и теперь старый раб выгребал золу в берестяной короб. Заметив господина, он на миг застыл, не разгибая спины, а затем еще старательнее заработал широким деревянным совком.

А у Ворона воспоминание о сопернике вызвало последнюю вспышку раздражения – угасающий отзвук отбушевавшего гнева.

– Архан, Архан! – воскликнул он неприятным голосом. – А так ваш Архан может?!

Джилинер всем корпусом повернулся к старику и вытянул перед собой руки ладонями вперед. Глаза его вспыхнули пронзительным белым огнем.

Страшная судорога встряхнула старого раба, перевернула, швырнула на пол. Несчастный попытался закричать, но паралич свел легкие, из горла вылетел лишь придушенный писк.

Шайса завороженно глядел, как на неестественно вывернутых руках старика, на худых обнаженных плечах лопается кожа, как рваными лохмотьями отходят от костей клочья мяса, как кровь хлещет из разорванных жил и тут же сворачивается, засыхает бурой коркой. Зал наполнился запахом разлагающейся плоти.

Невероятно, но эта груда обнажившихся костей и ошметков мяса в последний раз пошевелилась, дернулась и навсегда замерла. Только с того, что недавно было лицом, бессмысленно глядел выкатившийся глаз под обрывком века. Шайса сипло выдохнул воздух.

– Впечатляет! – искренне сказал он и запоздало обиделся: – Только почему это «наш Архан»? С какой стати он «наш»? И чей это – «наш»?

Не отвечая, господин пересек зал и нырнул в следующий коридор. Эта вспышка разрядила гнев, и маг стал прежним Джилинером, стоящим выше досадных мелочей.

Шайса последовал за Вороном. В коридоре им встретились две рабыни, старая и молодая, спешившие навести порядок в комнате с зеркалом. Завидев хозяина, обе прижались к стене. Джилинер прошел мимо, не взглянув на служанок, а Шайса бросил на ходу:

– И возле очага прибрать нужно…

Служанки вошли в круглый зал – и оцепенели, приморожeнные к полу лютым ужасом. Молодая толчками набрала полную грудь воздуха, чтобы выплеснуть его в отчаянном вопле. Старая поспешно зажала ей рот рукой. Они стояли, поддерживая друг друга, чтобы не рухнуть в обморок, белые и неподвижные, как мраморные статуи, и только громадные распахнутые глаза жили на их мертвых лицах…

11

Было время – шли из Великого Грайана в Силуран и обратно купеческие обозы с товарами, и не миновать им было одного из трех перевалов, закрытых крепостями еще в Огненные Времена. Возьмешь западнее – выйдешь к крепости Нургрим, что на Древнем языке означает Черные Ворота. Свернешь на восток – заночуешь в крепости Чаргрим, или Звериные Ворота, прозванной так за то, что лежит она в местах, изобильных дичью.

А меж ними стережет дорогу крепость Найлигрим, самая древняя из трех гранитных сестер.

Когда-то жизнь здесь кипела ключом: купцы останавливались на ночлег, выкладывали на местном рынке часть своих товаров, рассказывали новости, а главное – платили пошлину которую принимали и тщательно пересчитывали холеные белые пальцы Аджунеса Железной Изгороди из Рода Аршеджи. Ибо был почтенный Аджунес шайвигаром крепости – Левой Рукой Хранителя.

Прежний Хранитель, уважаемый всеми Вайатар Высокий Дом из Рода Саджадаг, не вмешивался в дела Левой Руки. Он больше следил за тем, чтобы солдаты были хорошо вооружены чтобы каждый умело владел мечом, метко бил из лука и арбалета. С недоверием глядел Хранитель на север, ждал оттуда беды.

И оправдались его опасения. Между Силураном и Грайаном нависло страшное предгрозовое затишье. Купцы почти перестали посещать крепость. Единственным источником дохода осталась дань, которой крестьяне были обложены в пользу крепости.

Собирал дань, конечно, шайвигар, но, во имя Бездны, какой же это был тяжкий, неблагодарный труд! Что с них возьмешь, с крестьян-то? Дрова? Дичь из окрестных лесов? Рыбу? Все это солдаты, триста бездельников, могли бы и сами заготовить, если бы дарнигар, Правая Рука Хранителя, не гонял их постоянно по плацу с мечами, а почаще заставлял заниматься хозяйственными делами. Зерна было мало – горы же вокруг! Скудного урожая крестьянам самим едва хватало, а от сборщиков дани хлеб прятали. Бывало, нагрянет почтенный Аджунес в сопровождении десятка верховых в деревню, так крестьяне в голос воют, валяются в ногах у его коня, предлагают вместо денег и зерна своих детей в рабство… Хитрые мерзавцы! Знают: раб уж точно с голоду не умрет, а работать в крепости не тяжелее, чем горбатиться на каменистом горном наделе. Но рабов в Найлигриме и без того почти полторы сотни, и каждого нужно кормить. А заботиться об этом должен кто? Шайвигар!

Плохие пришли времена, плохие! Одно было хорошо: почтенный Вайатар, человек пожилой и удрученный болезнями, по-прежнему не углублялся в дела шайвигара, не пытался дознаться, что из доходов крепости идет королю, что – на прокорм воинам и рабам, а что исчезает неведомо куда…

Аджунес оскорбился бы, если бы его посмели назвать вором. Кто вор? Он? Да разве не на нем держится вся жизнь Найлигрима? Разбуди его среди ночи – он ответит сколько в крепости лопат, сколько метел, сколько рабынь трудится в прачечной, сколько голов скота ржет, мычит и хрюкает на скотном дворе, сколько соли потрачено за месяц на кухне, сколько вязанок хвороста доставили мошенники-крестьяне. Он знал в лицо каждого раба, знал, сколько молока дает каждая корова, сколько вина и масла отпущено лекарю для больных и сколько этих самых больных в Доме Исцеления. Аджунес знал крепость так же хорошо, как крестьянин знает свое хозяйство. И так же вольно пользовался доходами. В конце концов, кому от этого плохо? Король и не ожидает прибыли от захолустной крепости, лежащей в стороне от торговых путей. Солдаты хорошо накормлены… да и попробуй их не накорми! Дарнигар, скотина грубая, тебя самого в котел засунет, он за солдат переживает не меньше, чем Хранитель: сам, морда крестьянская, из простых наемников выслужился…

Жизнь худо-бедно шла своим чередом, как вдруг грянул гром. Кончина Вайатара! Назначение нового Хранителя! Да еще Сына Клана!..

Шайвигар затосковал, как лиса, что глядит вслед улетающим на юг гусиным стаям.

Впрочем, гонец, доставивший королевский указ, так расписал молодого Сокола, что у Аджунеса немного отлегло от сердца. Избалованный молокосос, погрязший в самых мерзких пороках и по требованию потерявшей терпение родни сосланный в захолустье – естественно, на почетную должность…

Ну, это еще полбеды! Конечно, хлопот с мальчишкой будет много, особенно на первых порах. Наверняка примется из кожи лезть, чтобы показать себя единственным хозяином крепости. Главное – не спорить с ним. Рано или поздно Соколу надоест игра в Хранителя, он вернется к прежним забавам: заведет гарем из рабынь посмазливее, окружит себя сворой прихвостней, начнет закатывать пьянки, охотиться по всей округе за крестьянскими девками… ну и на здоровье!

А может быть (при этой мысли шайвигар сладко сощурился), новому Хранителю чем-нибудь не потрафит Харнат Дубовый Корень, дарнигар крепости. Тогда наглого мужика сбросят с должности, которая ему отнюдь не по рылу…

От приятных раздумий Аджунеса отвлекли крики у Южных ворот. Вернулся отряд, высланный для встречи Хранителя.

* * *

Подъезжая к крепости, Орешек ломал голову: как бы вызнать свое новое имя? Но мудрить не пришлось. Когда кавалькада остановилась под крепостной стеной, возле опущенного через ров моста, десятник Сайвасти, явно желая выслужиться, выехал вперед и провозгласил не хуже королевского герольда:

– Отворяйте! Прибыл высокородный Ралидж Разящий Взор из Клана Сокола, Ветвь Левого Крыла, новый Хранитель крепости Найлигрим!

Хорошо рявкнул. Внушительно. Будь у Орешка под рукой кошелек – ловить бы десятнику на лету серебряную монетку.

Ворота распахнулись очень быстро, кони простучали копытами по мосту. Всадники нырнули в узкий, полутемный, перекрытый гранитным сводом проезд сквозь башню. Орешек заметил в своде черные пятна бойниц. Пра-авильно: непрошеных гостей, что сумеют проломиться в ворота, встречают арбалетчики и забрасывают стрелами в каменной мышеловке… По правую руку дремал громадный барабан с намотанными на него цепями и с толстыми, отполированными от времени дубовыми ручками. Возле барабана вытянулся детина с зелено-красной перевязью через плечо. Торчит он здесь, похоже, лишь при воротах: вряд ли такой мост в одиночку поднимают. И обе решетки – внешнюю и внутреннюю – тоже.

Орешек изо всех сил старался с достоинством держаться в седле (или хотя бы просто – держаться) и одновременно зубрил свое гордое имя.

Вынырнув из-под каменного свода на солнечный свет, Хранитель обнаружил, что ему готова торжественная встреча.

Вей-о! Держись, актер, не выдай себя, даже уголком губ не дрогни, даже бровью не поведи! Да они, похоже, собрали к воротам весь гарнизон! Громадная толпа, сплошь плечистые верзилы, одетые кто как, но у каждого через плечо зелено-красная перевязь – королевские цвета.

Ближе всех к коню высокого гостя стоят двое: толстячок с льстивыми глазами и рыжебородый великан. Оба богато одеты – явно здешние крупные птички.

Орешек хотел было спешиться, но, хвала Безымянным, не успел этого сделать. «Крупные птички» шагнули вперед и с двух сторон взяли гнедую под уздцы. Пра-авильно, он же почетный гость, ему не пристало топать пешком от самых ворот, как простому страннику…

Расслабься, Сын Клана, откинься в седле, расправь плечи. И не зыркай по сторонам, как волк, загнанный в ловчую яму, а взирай на толпу благожелательно и с легким интересом.

Ну и что мы видим? Прежде всего – огромную четырехугольную башню посреди площади. Ну и громадина! Такая сама за хорошую крепость сойдет! По сравнению с ней незабвенная «сторожевая», где прошло детство Орешка, – все равно что новорожденный теленок рядом с быком. Орешек читал, что такие башни именовались «последняя надежда» – шаутей. Когда враг врывался в крепость, уцелевшие ее защитники запирались в центральной башне и держали оборону, пока не подходила помощь…

Спешившийся позади десятник нагнал бородача, вышагивающего справа от гнедой, и зашептал ему что-то. Орешек напрягся было, но уловил слово «Подгорные…» и успокоился. Зато верзила встревожился. Забыв про торжественность встречи, он пригнулся под лошадиной мордой и бросил несколько слов своему напарнику. На лице толстяка мелькнуло раздражение, он брезгливо взмахнул пухлой белой ручкой. Жест этот явно означал: «Ну что ты в такой момент с пустяками, потом, потом…»

Толпа почтительно расступалась перед всадником, тут же смыкаясь позади. Справа обнаружился поселок: деревянные хибары. На крышах стояли женщины и дети и с восторгом глазели на торжественный въезд. Вероятно, никогда не видели Сына Клана. Ну-ну, любуйтесь, раз вам выпало такое счастье…

Слева чернела мощная стена башни-шаутея, в некотором отдалении от нее стоял маленький храм с покрытыми росписью стенами и разноцветной крышей. Краски облупились от непогоды, вообще храм выглядел порядком запущенным. Двое пожилых жрецов стояли на пороге. Орешек почтительно склонил голову. В ответ жрецы вскинули руки в жесте благословения.

«О боги, сколько вокруг восхищенных морд! Ввек бы с вами со всеми не встречаться!»

Орешек с улыбкой светлой радости одарил толпу приветственным жестом. Толпа взревела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.